

ТЕНИСЫЙ ЛЕС

Сбежавший Гроуль

Мэтт Хейг

Миры Мэтта Хейга

МЭТТ ХЕЙГ

**Тенистый лес. Сбежавший
троль (сборник)**

«АСТ»

2008

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Coe)-44

Хейг М.

Тенистый лес. Сбежавший тролль (сборник) / М. Хейг — «АСТ»,
2008 — (Миры Мэтта Хейга)

ISBN 978-5-17-106493-8

12-летний Сэмюэль и его младшая сестра Марта — самые обычные дети. Они живут в Ноттингеме, в Англии, ходят в школу, заводят друзей и с нетерпением ждут своего дня рождения. Пока в один, совсем не прекрасный день родители Сэмюэля и Марты не погибают в автокатастрофе. Брат с сестрой вынуждены оставить привычную жизнь и переехать к своей тете Иде в Норвегию. Чужая страна, неизвестный язык, никаких друзей. А еще дом тети Иды стоит у самого леса, о котором ходят зловещие слухи. Якобы он полон опасных существ: троллей, хюльдр, пикси и головостуков. Сэмюэля и Марту ждут невероятные и опасные приключения, а помогут им справиться со всеми трудностями только любовь и вера в добро и справедливость. Впервые два романа о Сэмюэле Блинке под одной обложкой!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-17-106493-8

© Хейг М., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Тенистый лес	6
На пути к большому сюрпризу	9
Тетя Ида	13
Девочка-данетка	15
Рассказ о старом Торе	20
Место, о котором нельзя говорить	24
Суп из Рудольфа	27
Хюльдры	29
Кошка с двумя ошейниками	31
Хек	32
Полет ведьмы теней	34
На кухне	37
Рассказ о том, что случилось с дядей Хенриком	39
Существа тенистого леса	41
Ночные песни	43
Пять ломтиков коричневого сыра	47
Чайная коробка	49
Манящая темнота	51
Марта пропадает без вести	54
Вверх по холму	56
Ловушка с перьями	58
Крик	60
Апчхи!	62
Тюремные песни	64
Клубы дыма	66
Деревня	68
Белый браслет	71
Хек	75
Тролль-левый и тролль-правый	77
Золотые круги и тяжелые тени	79
Ледяные слезы	81
Волшебный запах	83
Правдивый пикси	85
Несколько интересных фактов	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Мэтт Хейг Тенистый лес. Сбежавший тролль

МЭТТ ХЕЙГ

Matt Haig Samuel Blink and the Forbidden Forest Samuel Blink and the Runaway Troll
Перевод с английского Софьи Долотовской

Copyright © Matt Haig, 2008

This edition is published by arrangement with Conville&Walsh Ltd. and Synopsis Literary Agency

© С. Долотовская, перевод на русский язык, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ТЕНИСТЫЙ лес

Посвящается Андреа

ТЕНИСТЫЙ ЛЕС

Это место, куда путь заказан любому живому существу. Здесь зло имеет множество обличий, а существа из легенд и мифов живут и дышат. И убивают. Это место за пределами снов и кошмаров – место, которое внушает такой страх, что до сих пор у него не было имени. Но теперь, в этой книге, я объясню необъяснимое и дам страху имя, которого он заслуживает. Это имя – Тенистый лес, и оно поселит ужас в ваших сердцах.

Профессор Горацио Тэнглвуд

Люди и другие существа, которых вы встретите в этой книге

Люди

СЕМЬЯ БЛИНКОВ

Сэмюэль Блинк. Двенадцатилетний мальчик, чуть менее везучий, чем большинство людей. Он никогда не считал себя героем. А зря, потому что герой из него получился отличный.

Марта Блинк. Младшая сестра Сэмюэля, которая думает, что она играет в мюзикле. Но это не так. Она сидит на заднем сиденье родительской машины и распевает дурацкие песенки прямо на ухо Сэмюэлю. Ну что ж, сегодня ведь день ее рождения.

Лив Блинк. Мама Марты и Сэмюэля. Пение Марты ее вовсе не раздражает, в отличие от стиля вождения ее мужа.

Питер Блинк. Папа Марты и Сэмюэля. Сумасшедший водитель. Если он доживет до конца первой главы, это будет большой удачей.

НОРВЕЖЦЫ

Тетя Ида. Норвежская сестра Лив Блинк. Тетя Сэмюэля и Марты. Бывшая олимпийская чемпионка по метанию копья. Обладательница лампы счастья, десяти пар теплых кальсон, дома возле Тенистого леса и волосатого подбородка. Она тоскует по своему мужу, дяде Хенрику, который десять лет назад пропал в лесу.

Дядя Хенрик. Чш-ш-ш! Не упоминайте дядю Хенрика при тете Иде. Она скорее всего начнет плакать.

Оскар. Бакалейщик в деревне Флом, питающий слабость к галстукам-бабочкам и высоким женщинам (особенно к тете Иде).

Фредрик. Сын Оскара, любит играть со своим калькулятором. Не беспокойтесь о нем: он встретится вам только в двух главах.

Старый Тор. Он старый. И... э-э... его зовут Тор. Он рисует горы и фьорды. И попадающих ему иногда двухголовых троллей.

ДРУГИЕ ЛЮДИ

Профессор Горацио Тэнглвуд (он же Мастер перемен). Злобный англичанин, живущий в деревянном дворце в самом сердце Тенистого леса, которым он правит под именем Мастера перемен. Он написал книгу «Существа Тенистого леса» и держит в банках замаринованные головы своих врагов. Его любимая музыка – детский крик. В настоящее время он работает над своей автобиографией.

Автор. *Носит довольно скучное имя Мэтт Хейг*, хотя при крещении его нарекли Церебубулем Осрихом Винтерботтомом Третьим. Дважды он грубо прерывает повествование как раз тогда, когда вы только начинаете входить во вкус. Однажды он наткнулся на профессора Горацио в его личной библиотеке. Профессор попросил его одолжить ему ручку, но так никогда ее и не вернул.

СОБАКА

Ибсен. Норвежский элкхаунд тети Иды. Любит коричневый сыр, спать и человеческих детей. Ненавидит лес.

Существа тенистого леса

ВЕДЬМЫ

Ведьма теней. Используя силы теней, преображает себя и других лесных обитателей. Живет со своим хозяином, профессором Горацио Тэнглвудом, в его деревянном дворце.

Ведьма теней выдыхает облака теней и, покидая лес, имеет обыкновение превращаться в кошку.

Снежная ведьма. Сестра Ведьмы теней, накладывает заклятья на погоду. В настоящее время находится в подземном заключении. Силы ее иссякают, и ее ждет верная смерть. Она знавала лучшие времена.

ХЮЛЬДРЫ

Вжспп. Жестокий до кончиков ногтей тюремный страж, который, как и все хюльдры, боится солнечного света и живет под землей. На случай, если вы попытаетесь понять, как произносится его имя: оно никак не произносится. Это невозможно.

Грентул. Чуть менее жестокий тюремный страж, бесконечно преданный профессору Тэнглвуду (известному хюльдрам как Мастер перемен). Мечтает о былых временах, когда хюльдры не боялись солнца.

ТРОЛЛИ

Тролль-правый и Тролль-левый. Две головы одного тролля, которые ненавидят друг друга до дрожи в желудке (который, с технической точки зрения, у них один на двоих).

Тролль-папа, Тролль-мама, Тролль-сын и Тролль-дочка. Дружелюбное семейство троллей, имеющее на всех один-единственный глаз.

Другие существа

Томте. Золотистое бочкообразное существо, которое носит одежду ярких цветов и распевает радостные песенки даже тогда, когда знает, что радоваться совершенно нечему.

Правдивый пикси. Пикси, живущий в бревенчатой хижине в восточной части Тенистого леса. Он травит ядом всех проходящих мимо и считает ложь неприемлемой. (Если он пригласит вас на обед, имейте наготове подходящее оправдание.)

Летающие головостуки. Смертельно опасные существа, разбивающие клювом любой череп, который могут найти, чтобы насладиться мозгом, их любимым деликатесом.

Спун. Гигантское существо, покрытое мехом и сочетающее в себе черты медведя и льва, с животом более удобным, чем любая подушка. Проводит большую часть жизни во сне, наслаждаясь снами про ягоды. Способен отхватить голову человека за один укус.

Кролик Серохвост. Пожилой кролик, который убедил всех остальных кроликов в загоне, что Тубула, кроличий бог, их всех спасет. В действительности же они скорее всего окончат свое существование в котле троллей.

Калуши. Более глупые даже, чем кролики, калуши – долговязые трехголовые птицы, которые носятся по лесу, кудахча и поминутно падая в ямы.

На пути к большому сюрпризу

Бревна, лежащие в кузове фуры, были уложены в подобие пирамиды и закреплены тремя серыми ремнями, сделанными из материала, который Сэмюэль Блинк не мог распознать. Один из ремней был затянут слишком слабо, из-за чего бревна подпрыгивали, словно им не сиделось на месте или они мечтали сбежать и вернуться обратно в лес.

Фура на отчаянной скорости обогнала машину.

– Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? – возмутился Питер, папа Сэмюэля. – Какой-то маньяк!

Папа Сэмюэля считал маньяками всех водителей, кроме себя самого, а водителей грузовиков – самыми большими маньяками из всех.

– Прекрасно, – сказал он, когда огромная фура начала сбавлять скорость. – Так мы никогда не доберемся до места.

Фура с бревнами теперь ехала прямо перед их машиной, занимая обе полосы, так что белая разметка дороги вылетала из-под ее кузова, вспыхивая, словно лазерные лучи.

– Торопиться некуда, – сказала мама Сэмюэля, которую звали Лив. Когда папа начинал сердиться, она становилась снисходительной как никогда.

Сэмюэль не знал, куда они направляются. Единственное, что он знал, это то, что он не желал больше ни минуты терпеть пение своей сестры. А точнее, «хрипение задушенной кошки» – вот как следовало бы описать этот звук.

– Мам, скажи Марте, чтобы она перестала издавать эти ужасные звуки.

– Это не ужасные звуки! Это красивое пение, – с досадой воскликнула мама.

Это было вранье. Один из миллионов случаев родительского вранья, к которым Сэмюэль успел привыкнуть за те двенадцать лет, что он провел на этой планете. Но он знал, что сегодня не добьется ни от кого поддержки. В конце концов, это был день рождения Марты – факт, подтверждавшийся двумя большими значками на ее свитере, которые гласили: «МНЕ 10» и «1 °СЕГОДНЯ».

Пение стало громче. Голова Сэмюэля затряслась совсем как бревна в грузовике, когда он прижал ее к окну машины, глядя на мелькание травы вдоль дороги.

– Пап, – сказал он, обращаясь ко второму по званию члену их семьи, – скажи Марте.

Папа его проигнорировал. Он был слишком увлечен ворчанием по поводу фуры у него перед носом.

– Это просто смешно! Зачем, черт возьми, обгонять, если собираешься сбросить скорость?!

Марта заерзала под своим ремнем безопасности и громогласно пропела Сэмюэлю прямо на ухо:

*I'm your baby girl,
And you could be my world...*

Тьфу! Сэмюэлю показалось, что его сейчас стошнит. Даже в свои лучшие дни он ненавидел пение сестры, но особенно он его ненавидел, когда и так был уставшим. А этой ночью он спал всего два часа, потому что ему снился его обычный кошмар. Кошмар про странных хвостатых монстров с серой кожей и немигающими глазами. Он проснулся в холодном поту и уже не смог заснуть.

– Твое пение нужно давать слушать убийцам в качестве наказания, – сказал он Марте.

– Заткнись, вонючка. Ты просто завидуешь.

И она снова завела свою волынку, напевая отрывки глупых девчачьих песенок о любви. Он знал, что она способна петь с утра до ночи. Она и пела с утра до ночи – каждый божий день. Как будто вся ее жизнь была одной длинной песней. Как будто она застряла в одном из тех дурацких мюзиклов, которые она вечно смотрела по телевизору.

Сэмюэль снова отвернулся к окну и стал молиться о том, чтобы Марта замолкла.

Стала тихой, как бревно.

Даже когда она просто говорила, она превращала свою фразу в песню, повышая и понижая голос так, что каждое слово звучало отдельной нотой.

Поэтому вместо того, чтобы спросить: «Куда мы едем?», она пропела, то повышая, то понижая голос:

– *Мама и папа, куда мы едем?*

На что их мама ответила:

– Ты же не хочешь испортить большой сюрприз, не правда ли?

– Да-а-а, – пропела Марта.

– Ну, скоро сама все увидишь, – ответила мама.

– Не увидишь, если мы так и будем торчать позади этой штуки, – возразил ее папа, имея в виду фуру с бревнами.

Сэмюэль раздумывал, что за большой сюрприз приготовили родители. Он надеялся, что это будет парк аттракционов, как на его последнем дне рождения. Мертвая петля на американских горках, возможно, заставила бы Марту заткнуться, хотя бы ненадолго. В тот раз он ходил с папой на аттракцион под названием «Катапульта», который развивал такую скорость, что невозможно было даже повернуть голову. Сэмюэль наслаждался каждой секундой этой безумной гонки, а папа притворялся, что чувствует то же самое, пока ему не пришлось поспешить в туалет, чтобы избавиться от съеденного обеда (родительская ложь номер 910 682).

Однако теперь Сэмюэль начал подозревать, что большой сюрприз окажется гораздо скучнее парка аттракционов. Он размышлял о тех дурацких вещах, которые любила делать Марта.

Кататься на лошадях...

Делать прически...

Тратить карманные деньги на дурацкую музыку...

Слушать дурацкую музыку...

Петь дурацкие песни...

Поэтому, с учетом интересов Марты, Сэмюэль сузил круг вариантов, оставив следующие: весь день трястись на лошади, смотреть на то, как сестру стригут в шикарной парикмахерской, или – в худшем случае – пойти на мюзикл. Возможно, даже на мюзикл про парикмахера, который участвует в скачках и посвящает песни своей лошади.

Сэмюэль улыбнулся этой эксклюзивной версии ада у себя в голове.

Би-бииип!

Грезы о людях, поющих песни лошадям, были прерваны папой, который резко просигнализировал фуру впереди них.

– Это просто смешно, – пробормотал он, включая поворотник.

– Питер, что ты делаешь? – спросила мама.

– Поворачиваю. Если мы будем ехать за фурой, то проторчим на этой дороге весь день. И ты видела, как закреплены эти бревна? Того и гляди случится авария.

– Но мы же не знаем здешних дорог.

– У нас есть карта. В бардачке.

О-о-ох.

Сэмюэль с Мартой знали, что означает карта. Она означала, что папа с мамой затеют серьезную ссору по меньшей мере на час, споря о том, где они должны повернуть налево.

– О'кей, – сказала мама. – Нам нужна трасса «В шесть четыре два». Дети, ищите трассу «В шесть четыре два».

– В шесть четыре два, – пропела Марта.

В шесть четыре два.

Они три раза проехали по кольцевой развязке, прежде чем Сэмюэль заметил указание на В-642, незаметным шрифтом нанесенное на маленький зеленый дорожный знак.

– Вот она, – сказал он.

Машина свернула с развязки, и не прошло и пяти минут, как карта вызвала обычную ссору по поводу поворота налево. Сэмюэль продолжал смотреть в окно, именинница – петь, а ссора их мамы и папы тем временем пустила корни и начала разрастаться.

– Налево.

– Что?

– Слишком поздно. Мы должны были только что повернуть налево.

– Могла бы мне сказать. Карта-то у тебя.

– Я и сказала.

– Ну-ну. Ты могла мне сказать до того, как мы проехали этот проклятый поворот.

– Эта глупая старая карта. В ней слишком сложно разобраться.

Сэмюэль задумался о том, что только что сказала его мама. Интересно, как карта может быть глупой? Потом он подумал о дереве, которое превратили в бумагу, чтобы напечатать эту карту. Возможно, дерево в отместку сделало карту такой непонятной.

Как бы то ни было, они пропустили поворот налево и теперь застряли на трассе В-642.

– Если мы проедем дальше, то сможем вернуться на автомагистраль, – сказала мама Сэмюэля, изучив карту.

– Потрясающе! – воскликнул папа Сэмюэля. – Вернуться туда, откуда мы приехали!

– Это была твоя идея свернуть.

– Да, но все было бы в порядке, если бы ты умела обращаться с проклятой картой!

– О, нет, – сказала мама Сэмюэля.

– Да в чем дело? – с досадой бросил папа.

– Эта дорога не пересекается с автомагистралью... Она проходит под ней.

И, в подтверждение ее словам, за следующим поворотом открылся вид на огромный бетонный мост прямо над трассой В-642.

Сэмюэль смотрел, как далеко слева фура с бревнами упорно взбирается на мост. Но он не мог заметить – для этого ему понадобилось бы телескопическое зрение, – что плохо закрепленный серый ремень, удерживавший бревна, теперь полностью открепился. Два оставшихся ремня тоже были натянуты гораздо слабее, чем следовало бы, и бревна всё отчаяннее подпрыгивали в кузове.

К тому времени, когда открепился второй ремень, стало очевидно, что третий неизбежно последует за ним. Это и произошло, что, в свою очередь, привело к другому неизбежному событию – бревна стали вываливаться из кузова.

Пока машина подъезжала к мосту, Сэмюэль не сводил глаз с фуры. Он рассчитал, что если они продолжат ехать на той же скорости, машина будет под мостом как раз тогда, когда на нем окажется грузовик.

Поэтому, когда он увидел первое бревно, свалившееся с фуры, он уже знал о потенциальной опасности.

– Папа! Останови машину!

– Сэмюэль, в чем, черт побери, дело?

– Останови машину! Бревна! Падают с фуры! Останови машину!

– Сэмюэль, о чем ты вообще говоришь? – Папа Сэмюэля совершенно не собирался останавливать машину.

Первое бревно проломило дорожное ограждение в ста метрах от моста и покатилося вниз по склону по направлению к полю со стороны трассы В-642.

– Останови машину! Останови машину!

– Сэмюэль? – Его мама всегда произносила его имя с вопросительной интонацией, когда начинала сердиться.

– Останови! Останови! Просто останови!

Но машина продолжала ехать вперед, бревна продолжали падать, а его сестра продолжала петь:

– С днем рождения меня...

– Останови!

– Сэмюэль?

– Мы не можем просто так остановиться.

– С днем рождения меня...

– Неужели вы не видите?

– Что?

– Смотрите, эти бревна, они скатываются вниз!

– С днем рождения Марту...

– Бревна? Какие бревна?

– Честное слово, Сэмюэль. Мне кажется, ты перевозбудился...

– С днем рождения...

Тогда все и произошло. Ровно в тот момент, когда папа Сэмюэля наконец решил затормозить. Именно в этот момент последние десять бревен, оставшиеся в кузове фуры, свалились вниз и проломили ограждение.

Однако на этот раз одно из бревен не покатилося в поле вниз по холму. Оно упало с моста и обрушилось на единственную машину, которая ехала по этому участку трассы В-642.

Ба-бах!

Бревно приземлилось на переднюю часть крыши. Тяжелая шотландская сосна, которая проехала три сотни миль на юг на пути к бумажному заводу в Линкольншире.

Меньше чем за секунду – время, которое потребовалось бревну, чтобы проломить тонкий металл крыши, – Сэмюэль и Марта лишились обоих родителей. Сами они, как и вся задняя часть машины, остались целы и невредимы.

Сэмюэль держал сестру за руку, пока они, оцепенев, сидели на заднем сиденье. Они были слишком шокированы, чтобы пошевелиться. Или чтобы заговорить. Или чтобы издать хоть звук. За одну секунду их глаза увидели больше кошмаров, чем за все то время, что они оба прожили на свете.

Они так и не узнали, куда родители собирались отвезти их на день рождения Марты. Они знали одно: что бы ни случилось дальше, их жизнь уже никогда не будет прежней.

Тетя Ида

Смерть родителей, убитых огромным бревном, была не первой смертью, с которой столкнулись Сэмюэль и Марта Блинк.

Вообще-то большинство их ближайших родственников были унесены смертью в течение их коротких детских жизней, хотя сами они и не присутствовали ни при одной из этих смертей.

Их не было рядом, например, когда дедушка нес коробку с декоративными гномами в свой садик позади дома и с ним случился инфаркт. Или когда два месяца спустя бабушка споткнулась об одного из этих гномов и упала, ударившись головой о крышу теплицы.

Не было их и тогда, когда дядя Дерек умер от разряда электрического тока, пытаясь вилкой высвободить крошечный кусочек тоста из тостера. Или когда тетя Шейла упала и ударилась головой о дверной упор, выиграв пять очков в лотерею.

Их не было и тогда, когда их норвежский дядя Хенрик... Впрочем, случай с дядей Хенриком оставался весьма загадочным.

В отличие от всех остальных смертей, Сэмюэлю и Марте никогда не рассказывали о том, как умер дядя Хенрик. Если честно, о том, как он жил, им тоже почти ничего не было известно.

Итак, дядя Хенрик был из Норвегии. Из той страны, откуда была родом и Лив, мама Сэмюэля и Марты. Из той страны, где они никогда не бывали. У их мамы была сестра-близняшка по имени Ида. Лив и Ида выросли в городке под названием Фредрикстад недалеко от столицы Норвегии, Осло. Когда им было двадцать, умерла их давно овдовевшая мать. На следующий год Лив переехала в Англию, чтобы учиться в университете, и там встретила своего будущего мужа Питера. В том же году в Норвегии Ида влюбилась в прыгуна на лыжах с трамплина по имени Хенрик.

Сэмюэль и Марта знали о тете Иде и дяде Хенрике очень немного. Но одно им было известно точно: тетя Ида была очень хорошей метательницей копья, лучшей во всей Норвегии, и участвовала в Олимпийских играх в Москве. Сэмюэлю это всегда казалось поразительным фактом – то, что его кровная родственница участвовала в Олимпийских играх, – и это вдохновляло его на усиленные старания в дни спортивных состязаний. Но после того как он едва не насадил на копье своего тренера, он понял, что, возможно, не будет следовать по стопам своей тети.

Когда бы Сэмюэль с Мартой ни спрашивали про тетю Иду, они всегда получали от мамы один и тот же ответ: «Она добрая и замечательная женщина».

Так почему же они никогда не видели эту очень добрую и замечательную женщину?

Хороший вопрос. И Сэмюэль с Мартой задавали его неоднократно – около сотни раз каждый – но так ни разу и не получили удовлетворительного ответа.

Вот три из тех не-очень-удовлетворительных ответов, которые они получали:

1) «Ваша тетя Ида боится кораблей и самолетов, поэтому она никогда не выезжает из Норвегии. И никаких больше вопросов, у меня болит голова».

2) «Мы не можем себе позволить путешествие в Норвегию, потому что это очень дорогая страна, а мы не печатаем деньги. И никаких больше вопросов, у меня болит голова».

3) «В Норвегии очень холодно. Я уверена, что вы предпочтете поехать в какую-нибудь теплую страну с хорошими пляжами. И никаких больше вопросов, у меня правда раскалывается голова».

Вот как обстояли дела.

По крайней мере, так обстояли дела до тех пор, пока не прошло шесть дней после смерти их мамы и папы. В этот день пришло письмо, которое Сэмюэлю вручила миссис Финч, добрая пожилая соседка, присматривавшая за ними.

Сэмюэль взглянул на почерк, но не узнал его. Петельки в буквах «д», «у» и «з» напомнили ему о том, как писала его мама, но у мамы почерк был более неразборчивым.

Он вскрыл конверт и нашел там два билета на самолет и письмо, которое он начал читать.

Ида Круг
1846
Флом
Норвегия

Дорогие Сэмюэль и Марта, я сестра вашей мамы и, насколько мне известно, единственная ваша живая родственница. Мне невероятно жаль, что впервые я вам пишу при таких ужасных обстоятельствах. Но вы должны знать: вы не одни. Вам не придется жить в детском доме или скитаться по свету, как посылка, которую никто не хочет открывать.

Будучи вашей ближайшей родственницей, я приглашаю вас обоих приехать и жить у меня в Норвегии. Для этого я вкладываю в письмо два билета на самолет.

Я не знаю, что ваша мама рассказывала вам обо мне. Возможно, вы осведомлены о том, что мы никогда не виделись и разве что обменивались открытками на Рождество с тех самых пор, как родились вы. Мне жаль, что мы не общались друг с другом чаще, потому что ваша мама была доброй и замечательной женщиной.

Я живу неподалеку от чудесной деревушки под названием Флом. По сравнению с Ноттингемом она, конечно, покажется вам маленькой и не слишком интересной, но у нас есть фьорд и горы со снеговыми шапками. Кроме того, у меня есть собака по имени Ибсен. Ибсен – элкхаунд (это норвежская порода). Он будет очень рад возможности обнюхать новых знакомых!

В ближайшей деревне есть школа. Она небольшая, там учится всего двенадцать детей, и я уверена, что она вам прекрасно подойдет. Я уже поговорила с директором, и вы сможете туда поступить (это правильное слово?) в течение двух недель.

Что касается меня... Ну, у меня есть определенные правила, которым вы должны будете следовать. Эти правила нельзя нарушать, потому что придуманы они не даром.

В Норвегии есть старая поговорка: «Жизнь без правил – все равно что напиток без чашки!»

Что хорошего в напитке без чашки?

В любом случае, я уверена, что мы прекрасно поладим, и с нетерпением ожидаю нашей с вами встречи.

Ах, мы так счастливо с вами проживем – вот увидите!

Любящая вас
тетя Ида.

Девочка-данетка

Тетя Ида ждала их в аэропорту, держа в руках кусок картона с надписью:

Сэмюэль + Марта
Привет, я тетя Ида

СЭМЮЭЛЬ + МАРТА
Привет, я тетя Ида

Сэмюэль заметил надпись.

– Вон она.

Марта повернула голову и увидела высокую худую женщину с седеющими волосами, затянутыми в пучок. Женщина, одетая в длиннейшее оранжевое пальто и длинный полосатый шарф, улыбалась, глядя прямо на нее.

Марта вслед за братом пробралась сквозь толпу и попыталась улыбнуться в ответ, но у нее ничего не получилось. Она утратила способность улыбаться семь дней назад. В тот же день, когда она перестала говорить.

Что касается Сэмюэля, то он не улыбнулся потому, что ему не понравилось, как выглядит тетя Ида. Она определенно не была похожа на человека, когда-то участвовавшего в Олимпийских играх. Она выглядела худой и строгой, и у нее была странная одежда. Ему не понравился ни ее дурацкий длинный шарф, ни ее дурацкие ботильоны с закругленными носами, ни ее огромное оранжевое пальто. Также ему не понравились ее красные щеки, ее длинная шея и ее странные покатые плечи, из-за которых она была похожа на бутылку из-под вина.

Когда они подошли к ней, она распахнула объятия.

– Сэмюэль, – сказала она, все еще широко улыбаясь. – Марта.

Она обняла их обоих вместе, прижав их лица одно к другому. Сэмюэль не мог не заметить, что ее руки, хотя и были худыми, оказались очень сильными. Жесткие волосы на ее подбородке и верхней губе кололи его щеку.

– Ах, бедные дети, – сказала она, до последнего не разжимая объятий. А потом прошептала что-то на норвежском – что-то, чего ни Сэмюэль, ни Марта не поняли. Но похоже, что это что-то значило очень многое, потому что, когда она выпрямилась, в ее глазах блеснули слезы.

Она всмотрелась в их лица в поисках того, чего там не было.

– Боже мой, боже мой, – сказала она. – Нам стоит пойти в отдел потерянного багажа и спросить, не фидели ли там улыбок двоих детей.

– Мне двенадцать, – раздраженно сказал Сэмюэль. – А Марте десять. Необязательно разговаривать с нами как с детьми.

У тети Иды был такой вид, словно она собиралась отчитать Сэмюэля, но потом передумала.

– Хорошо, – произнесла она, кивнув на тележку с багажом, которую толкал Сэмюэль. – Я фозьму твою сумку, хорошо, мистер Мне Двенадцать?

– Я сам справлюсь, – ответил Сэмюэль, покрепче сжав металлическую ручку тележки. Честно говоря, справлялся он не очень-то хорошо, потому что ему досталась тележка с расшатанным колесиком, но он изо всех сил старался не показать, как ему тяжело.

– Очень хорошо. Тогда дафайте пойдем к машине, ладно?

Тетя Ида говорила с легким акцентом, словно она позабыла давно знакомые слова. Вместо «в» она говорила «ф», что показалось бы Сэмюэлю довольно забавным, если бы он не был так раздражен тем, что они в Норвегии.

– Она выглядит по-дурачки, – прошептал Сэмюэль Марте, следуя за тетей через зал аэропорта.

Марта бросила взгляд на брата. «Нет, не по-дурачки, – подумала она (но она была слишком грустна, чтобы произнести это вслух). – Она выглядит мило. У нее мамины глаза и мамина улыбка, и она такая дружелюбная».

– Посмотри на ее одежду, – продолжал Сэмюэль. – Посмотри на ее дурацкий шарф. И эти ботинки. И зачем она надела это странное огромное пальто? Она, наверное, потратила целый час, чтобы застегнуть его доверху.

Тетя Ида обернулась:

– Прости? Ты что-то сказал?

– Э-э, я просто говорил, что мне нравится ваша одежда, – ответил он.

– Ох, – сказала тетя Ида. – Спасибо большое.

Дети проследовали за тетей через дверь, на которой висела табличка со словами: «Утанг – выход», и вышли наружу, в холодный воздух. Сэмюэль внезапно осознал, что шарф и пальто тети Иды были не такой уж глупостью.

– Я ненавижу эту страну, – сказал Сэмюэль своей сестре. – Я провел здесь пять секунд и уже знаю, что ненавижу ее.

Его слова затерялись в порывах ветра, пока они шагали по дорожке к потрепанной белой машине, одиноко стоявшей в дальнем углу парковки.

– Посмотри на ее машину, – пробурчал он Марте, пока они помогали укладывать свой багаж в старый помятый багажник. – Она древняя!

Сэмюэль забрался на заднее сиденье и был удивлен, когда увидел Марту на переднем.

– Ну да, она старая, – сказала тетя Ида, как будто услышав, как Сэмюэль охарактеризовал ее машину. – Но машины очень преданны, как мне кажется. Если будешь за ними ухаживать, они никогда не подведут.

Машина несогласно кашлянула, когда тетя попыталась ее завести.

– Ну, давай же, старая штуковина, – сказала она. – Давай... Ага, вот... мурлычет, как лесной кот.

Когда машина тронулась с места, Сэмюэль ощутил смутную тревогу где-то в районе желудка, словно ожидал, что с неба на нее упадет еще одно бревно.

– Это ужасно – то, что случилось, – произнесла тетя Ида. – Я не могла в это поверить. Ваша мама была великолепным человеком. А ваш папа...

Тихо сказанные слова заставили Сэмюэля поморщиться, как будто кто-то провел ногтем по классной доске.

– Вы не знали моего папу, – сказал Сэмюэль. – И маму вы тоже вряд ли знали. Вы никогда с ней не виделись, так что я не понимаю, почему вы хотите, чтобы мы жили с вами. Раньше вы не испытывали желания нас видеть.

– Это неправда, – тихо ответила тетя Ида.

– Почему вы никогда не виделись с нашей мамой, если так ее любили? – спросил Сэмюэль, сам удивившись тому, как зло прозвучал его голос. – Мама говорила, что вы боитесь летать на самолете. И плавать на корабле.

– Да? – на мгновение тетя Ида смутилась, словно узнала о себе кое-что новое. – Ах, да... да...

Ее голос замер.

Сэмюэль взглянул на сестру. Она подушечками пальцев выводила кружочки на ладони. Еще неделю назад Сэмюэль молился, чтобы она прекратила петь, а теперь задавался вопросом: услышит ли он когда-нибудь снова ее пение. Думал, будет ли это пение печальным.

«Возможно, нет», – решил он.

Возможно, нет.

Сэмюэль провел в Норвегии всего тридцать шесть минут, но уже был уверен, что это самая ужасная страна из всех, что он видел. Что хорошего во всех этих горах, деревьях и воде? Зачем жить в стране, где так холодно, что ты вынужден носить дурацкие пальто и шерстяные шапки? И что случилось со словами на дорожных знаках?

ЭНВЕЙСКЬЮРИНГ
РЕККВЕРК МАНГЛЕР
АЛЛ СТАНС ФОРБУТ

Названия городов, через которые они проезжали, были не менее странными:

ЛЁККЕН ВЕРК
СКЁГН
КЮРКЕТЕРЁРА

Небольшой городок, который они проезжали сейчас, назывался Хелл.¹ Там даже висела табличка, на которой было написано на английском: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХЕЛЛ».

¹ Hell (англ.) – ад.

И как же выглядел Ад? Да так же, как и все остальные деревни, через которые они проезжали.

Яркие трехэтажные домики и прилепившаяся к пологому склону холма, приземистая деревянная церковь с коротким шпилем, который словно боялся подниматься слишком высоко в небо.

– В Норвегии слово «хелл» означает «преуспевание», – объяснила тетя Ида. – Вы знаете, что такое преуспевание?

Она взглянула на Марту и затем, в зеркало заднего вида, на Сэмюэля. Никто из них, похоже, не собирался отвечать, знают ли они, что такое преуспевание.

– Если ты преуспеваешь в чем-то, это значит, что ты добился успеха. Например, если ты зарабатываешь много денег, про тебя говорят, что ты преуспевающий человек, – сказала тетя Ида. – А Норвегию всегда называют преуспевающей страной. Все здесь зарабатывают довольно много денег. Почтальон зарабатывает почти столько же, сколько доктор или адвокат. Это очень справедливое общество. В Норвегии люди никогда не зафидуют друг другу. Мы мирные и спокойные люди. Здесь достаточно денег и достаточно земель для жизни, так что все счастливы... Вот как говорят.

Сэмюэль видел лицо тети в зеркале и заметил, что в ее глазах вовсе не отражалось то счастье, которое она описывала. «Она не хочет, чтобы мы были здесь, – подумал он. – Вот почему у нее такие грустные глаза. На самом деле она скорее всего ненавидела маму. И наверняка ненавидит нас».

Его не волновало спокойствие или богатые почтальоны. Он просто хотел, чтобы все стало как неделю назад, когда все было нормально.

– Это далеко? – спросил Сэмюэль тетю.

Они уже проехали Хелл и теперь были где-то, где не было ни домов, ни указателей.

– О, мы уже близко, – ответила она. – Но по пути нам нужно будет остановиться у бакалеи в Фломе и купить еды. Флом – ближайшая к моему дому деревня. Это прекрасное место.

Но от этих слов Сэмюэлю не стало легче. Он еще никогда в жизни не чувствовал себя так далеко от дома. И дело было не просто в двух перелетах, долгой поездке на машине или странном пейзаже. Дело было в том, что даже если бы он снова совершил долгую поездку на машине и два перелета в обратную сторону, он все равно не оказался бы ближе к дому. С той самой минуты, как умерли его родители, он знал, что никогда снова не почувствует себя дома – даже если будет жить до ста лет.

– У меня есть собака, – сказала тетя Ида. – Норфежский элкхаунд. Он очень добрый, хотя немного слишком прожорливый. Его зофут Ибсен. Я писала о нем в письме. Он любит полаять, но на самом деле это очень ласковое существо. Вы любите собак?

– Нет, – ответил Сэмюэль.

Марта не ответила ничего.

– Ну, я уверена, что Ибсен вам понравится.

Пейзаж за окном внезапно исчез, сменившись темнотой по обе стороны дороги.

– Это очень длинный туннель, – объяснила тетя Ида. – Он длиной в одиннадцать километров и проходит прямо под горой.

Сэмюэль посмотрел на сестру. Она всегда боялась туннелей, но сейчас на ее непроницаемом лице не отражалось никакого страха.

– Ты очень молчаливая, – заметила тетя Ида, поворачиваясь к Марте. – Почему бы тебе не рассказать мне о своих увлечениях? В какие игры ты любишь играть?

Эти вопросы разозлили Сэмюэля.

– Она не может вам ответить. Она не... не говорит.

Тетя Ида сделала вопросительное лицо, и Сэмюэль объяснил:

– Она ничего не говорит с тех пор, как погибли мама с папой. Она только кивает или качает головой. Задавайте ей только те вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

Сэмюэль ожидал, что новость о молчании его сестры впечатлит тетю Иду, потому что она казалась довольно впечатлительным человеком, но она восприняла его слова так, словно это было в порядке вещей. Сквозь мигающие огни туннеля он взгляделся в ее лицо, но не увидел на нем ничего, кроме теплой улыбки и по-прежнему грустных глаз.

Рассказ о старом Торе

– Вот, – сказала тетя Ида, поворачивая за угол. – Это Флом, ближайшая к моему дому деревня. Здесь мы должны остановиться и купить немного еды у бакалейщика.

Флом оказался очень тихой и чистой деревенькой, где почти не было машин. Он напомнил Сэмюэлю об игрушечной модели деревни, которая была у него, когда он был маленьким. Флом казался моделью деревни, увеличенной до реальных размеров. Здесь, точно так же, как в деревне Хелл и во всех остальных деревнях, которые они проезжали, по сторонам дороги тянулись бревенчатые домики с остроконечными крышами. Одни домики были выкрашены в белый или синий цвета, другие сохраняли натуральную окраску темной древесины. Тетя Ида медленно проехала мимо церкви – тоже деревянной и имевшей такую же форму, как и все остальные строения, разве что над ней торчал короткий острый шпиль.

– Ваш дядя Хенрик всегда шутил, что это фовсе не церковь, – сказала тетя Ида, затормозив на светофоре. – Он говорил, что это обычный дом с высокими идеями.

Тетя Ида припарковала машину в середине главной улицы.

– Идемте, дети. Давайте купим немного еды, хорошо?

Сэмюэль фыркнул, но подчинился. Они с Мартой проследовали за тетей мимо книжного магазина и затем мимо художественного салона к магазину, на котором висела вывеска с надписью жирными желтыми буквами:

ДАГЛИГВАРЕБУТИКК

– Это магазин Оскара, – объяснила тетя Ида. – Оскар – бакалейщик. Именно здесь я всегда делаю покупки. Тут очень дружелюбная атмосфера.

Она толкнула дверь, и над ней зазвенел звоночек.

Сэмюэль чуть не задохнулся от запаха, который шел изнутри. Он словно зашел внутрь гигантской горы, сделанной из пахучего сыра.

Магазин был заполнен жителями деревни, которые болтали и смеялись, но когда, услышав звонок, они повернули головы и увидели тетю Иду с двумя детьми, все разговоры внезапно смолкли.

– Гудог! – весело сказала тетя Ида, но ее приветствие только отскочило от их каменных лиц.

Тетя Ида, изо всех сил стараясь игнорировать сельчан, уставившихся на нее, взяла корзину для покупок. Она начала собирать в нее продукты с полок – пачку плоских хлебцев, пакет морошкового сока, банку маринованной селедки – пока Сэмюэль и Марта топтались возле нее.

Когда она подошла к прилавку с сырами, другая покупательница – пухлая женщина в трех шерстяных кофтах – цыкнула на нее языком и неодобрительно покачала головой, скосив глаза на Сэмюэля и Марту.

– Чего ей надо? – проворчал Сэмюэль.

Но женщина в кофтах была не единственной. Все остальные посетители бросали на Сэмюэля и Марту такие же странные взгляды.

– Ну, Сэмюэль и Марта, вы хотите что-нибудь добавить в корзину? – спросила тетя Ида, стараясь не обращать внимания на окружающих.

Марта отрицательно покачала головой.

– Нет, – ответил Сэмюэль, потому что хотел как можно скорее уйти из магазина.

– Ну, смотрите, – с улыбкой сказала тетя Ида, стоя у сырного прилавка в ожидании Оскара.

– Гудог, Оскар, – поприветствовала она хозяина, когда он вышел.

Оскар выглядел весьма странно. Он был низеньким, лысым, и у него были внушительные желтые усы. Кроме того, на нем был желтый галстук бабочкой и желтая рубашка, туго натянутая на круглом брюшке. Оскар не ответил на приветствие тети Иды. Он только безмолвно стоял за прилавком в своем желтом одеянии, как будто был одним из сыров, ожидающих покупателя.

– Оскар? – повторила тетя Ида. И заговорила на норвежском, указывая на разные сыры. Оскар начал резать сыры, но по-прежнему оставался безмолвным.

И в этот момент в двери в дальнем конце магазина появился мальчик. Ему было примерно столько лет, сколько и Сэмюэлю, и у него были белесые волосы и зеленые глаза, казавшиеся огромными за толстыми стеклами очков в золотой оправе.

Он подошел и, усевшись на стул позади отца, начал играть с калькулятором.

«Это, должно быть, единственное развлечение здесь, – подумал Сэмюэль. – Играть с калькулятором».

– Гудаг, – сказал мальчик Сэмюэлю. Он улыбнулся, показав серебристые брекетсы.

– Привет, – ответил Сэмюэль.

– Фредрик! – Оскар щелкнул пальцами и отослал сына прочь, как будто Сэмюэль был заражен какой-то опасной инфекцией.

К удивлению Сэмюэля, бедный мальчик сделал в точности то, что ему было приказано, без всяких возражений испарившись со своего места.

Остальные посетители начали выходить из магазина, неодобрительно хмыкая, ворча и бросая пренебрежительные взгляды на тетю Иду с детьми. Когда вышел последний посетитель, лицо Оскара смягчилось, словно кусок сыра, оставленный слишком близко от печки. Он начал говорить, и в голосе его звучали одновременно сочувствие и злость.

Но что именно он сказал тете Иде, Сэмюэлю и Марте осталось неизвестным, хотя его округленные глаза указывали на то, что это было что-то весьма серьезное.

Сэмюэль жалел, что не знает норвежского и не может понять, о чем они говорят. Но, возможно, это было к лучшему, потому что если бы он мог понять их разговор, он решил бы, что все вокруг абсолютно сумасшедшие. Включая тетю Иду.

Разговор тети Иды с Оскаром (который Сэмюэль и Марта не смогли понять).

Тетя Ида: Что такое со всеми сегодня? Они кажутся такими недружелюбными.

Оскар: А мне, Ида, кажется странным, что ты об этом спрашиваешь.

Тетя Ида: Так вот, я спрашиваю.

Оскар: Дети! Кто они? Что они делают с тобой?

Тетя Ида: Это дети моей сестры. Они приехали из Англии. Моя сестра с мужем погибла в ужасной аварии, и у детей больше никого не осталось. Никого. Они должны жить со мной.

Оскар: Возле леса?

Тетя Ида: Да, возле леса.

Оскар: С таким же успехом ты можешь убить их прямо сейчас. Это будет более милосердно. Потому что ты знаешь: если они зайдут в лес, они никогда не вернуться.

Тетя Ида: Они не зайдут в лес. Я ясно дам им понять, что они никогда не должны заходить в лес.

Оскар (*качая головой*): Как только они услышат о существах, живущих там, – хюльдрах, пикси, троллях и остальных, – они захотят на них посмотреть. Ты же знаешь, что такое дети.

Тетя Ида: Нет, я предельно ясно дам им понять, что им ни при каких обстоятельствах нельзя приближаться к деревьям. И при условии, что они никогда не пойдут в лес, они будут в безопасности.

Оскар (*перегнувшись через прилавок*): Нет, Ида, прости меня, но, боюсь, ты ошибаешься. Возможно, тебе удастся удержать детей вдали от леса, но удастся ли тебе удержать лес вдали от детей? Ты слышала о Старом Торе, художнике?

Тетя Ида: О Старом Торе? У которого художественный салон вниз по улице? Чья жена всегда так груба со мной? Да, когда-то я покупала у него картины. А что с ним случилось?

Оскар: Ну, он рассказывает, что в пятницу он был на улице, недалеко от фьорда, и рисовал пейзаж с лунным светом, когда вдруг увидел чудовище. Чудовище, которое выбежало из леса. Тролль с двумя головами!

Тетя Ида (*сдерживая волнение*): Тролль с двумя головами?

Оскар: Да, и за ним гнались еще более мерзкие существа. Хюльдры!

Тетя Ида: Хюльдры! Те, о которых говорил профессор?

Оскар: Да. Они были верхом. Старый Тор видел, как они накинули на двухголового тролля сетку и повалили его на землю. А потом поволокли его обратно в лес.

Тетя Ида: А что сделал Старый Тор?

Оскар: Он спрятался за своим холстом и молился, чтобы никто его не заметил. Он два часа просидел там, трясаясь от ужаса, прежде чем осмелился сдвинуться с места.

Тетя Ида: Он не ошибся? Я уже много лет не видела, чтобы что-то выходило из леса. И как он мог рассмотреть это? Ведь у него всего один здоровый глаз, разве нет?

Оскар: Да. Я знаю. Но этот глаз видит очень хорошо. Ты ведь знаешь его картины. Старый Тор – самый уважаемый человек во всей деревне... И если существа выходят из леса, можно понять, почему люди волнуются. Они волнуются за детей. Твой дом слишком близко, Ида.

Тетя Ида: Да, он близко. Думаешь, мне это неизвестно? Но что думают все эти взволнованные люди? Они думают, я пушу детей в лес? Они думают, я не запрещаю им ходить туда? Они думают, я не скажу им, что нельзя находиться на улице, когда стемнеет? Конечно, я скажу. Что еще я могу сделать?

Оскар: Ты можешь... переехать. Возможно.

Тетя Ида: Ох, и что тогда скажет мой дорогой Хенрик?

Оскар: Хенрик? Ида, Хенрик... исчез. Ты должна это осознать.

Тетя Ида: Да. Конечно. Я это знаю. Я знаю это так же хорошо, как и то, что он вернется.

Оскар: Но, Ида, прошло уже десять лет. Десять лет с тех пор, как он вошел в лес. Ты должна понимать, что он не вернется.

Тетя Ида: Если бы я понимала это, я бы ушла за ним в лес десять лет назад, чтобы тоже умереть.

Оскар: Ида, ты не можешь говорить это всерьез. Ты же знаешь, здесь много мужчин. Возможно, среди них есть те, кому тоже иногда бывает одиноко.

Тетя Ида: Ну да, возможно. Но теперь я должна заботиться о Сэмюэле и Марте. И, в любом случае, я точно знаю, что Хенрик все еще жив. Он где-то там. В недрах этого леса. И я знаю, что он скоро вернется.

Оскар: Да. Но теперь? Спустя десять лет? Не будет ли для тебя проще...

Тетя Ида: Нет. Он жив. И он на пути назад. Я чувствую это сердцем. Если бы ты верил в любовь так же, как веришь Старому Тору, ты бы меня понял.

Оскар: Ох, Ида, если бы знала, как сильно я верю в настоящую любовь.

Тетя Ида: Что ты имеешь в виду?

Оскар (*покрываясь краской*): Ничего. Ничего я не имею в виду.

Тетя Ида: Ну, вот двадцать крон за покупки. Можешь оставить себе сдачу. Морна, Оскар.

Оскар: Морна.

И затем Оскар сказал детям на весьма странном английском:

– Запомните, нужно делать, как ваша тетя говорит вам делать: не подходить к бесу.

«К бесу? – подумал Сэмюэль. – К какому еще бесу?» (Он не понял, что бакалейщик говорил о лесе и хотел сказать «к лесу», а не «к бесу».)

Тетя Ида, Сэмюэль и Марта вышли из магазина и пошли обратно к машине. По дороге Сэмюэль бросил взгляд на окно художественного салона Старого Тора.

Он увидел пухлую женщину в трех кофтах, которая вела себя так грубо. Она разговаривала со стариком с очень длинной бородой и одеждой, заляпанной красками. Поймав взгляд старика, Сэмюэль заметил, что один его глаз был белым, как молоко. Сэмюэль сделал вид, что заинтересовался холстами за окном. На большинстве из них были изображены горы и фьорды, но потом он заметил другую картину. Она не была выставлена в окне, а висела на стене за спиной старика. На ней было нарисовано какое-то дикое существо с двумя головами. Картина была настолько реалистичной, что Сэмюэль подпрыгнул на месте, словно опасаясь, что существо вот-вот выпрыгнет с холста.

Помотав головой, как собака, отряхивающаяся от воды, Сэмюэль прогнал из головы этот образ и пошел к машине вслед за тетей и сестрой.

– Почему все здесь такие противные? – спросил он у тети, когда они загружали продукты в багажник.

– На самом деле они совсем не противные. Они хорошие, когда узнаешь их поближе. Они просто немного напуганы, вот и все. Страх заставляет людей фести себя немного странно.

– А почему они напуганы? – спросил Сэмюэль. – Чего здесь бояться?

– Ничего, – ответила тетя Ида слишком поспешно, чтобы это походило на правду. – То есть ничего, если мы будем следовать определенным правилам. Так, Сэмюэль, я вижу по твоему лицу, что тебе очень не нравятся эти слофа. Но правила не только для тебя, они и для меня тоже. Если мы, все трое, будем следовать правилам, с нами все будет в порядке. И мы не станем странными, как эти старые напуганные дураки.

Сэмюэль, устраиваясь на заднем сиденье, презрительно скривил губы. Всю свою жизнь он должен был следовать чужим правилам. Вовремя делай домашнее задание. Застели постель. Переодевайся в домашнюю одежду после школы. И к чему его все это привело? В проклятую Норвегию, к его усатой тете.

Нет уж. Хватит с него. Отныне Сэмюэль Блинк не собирался следовать никаким правилам.

В конце концов, что ему было терять?

Место, о котором нельзя говорить

Тетя Ида жила в белом бревенчатом домике с крутой покатой крышей, в нескольких милях от Флома.

Любой гость, приехавший сюда, был бы очень впечатлен месторасположением дома. Он приютился на покрытом пышной зеленой растительностью склоне холма, с которого открывался вид на один из красивейших норвежских фьордов. Фьорд назывался Аурландсфьорден – это был огромный залив со спокойной и чистой водой, похожий на гигантское зеркало, в котором отражался лесистый холм и обступившие его горы со снежными шапками.

Однако Сэмюэль не был похож на любого гостя. С первой же секунды он возненавидел и дом, и пейзаж. Те же чувства он испытывал к поросшему травой склону холма, который поднимался к густому темному лесу позади дома.

– Это худшее место на земле, – пробормотал он сестре, которая не ответила ни «да», кивнув, ни «нет», покачав головой.

Где все люди? Где то, чем можно заняться?

– Пойдемте, дети, я покажу вам дом, – позвала тетя Ида, шагая от машины к узкой входной двери. Сэмюэль не мог не заметить того, как легко худошавые руки тети Иды несли и чемодан, и сумки с покупками, как будто внутри них не было ничего, кроме перьев.

– Это холл, где мы оставляем пальто и шапки и снимаем обувь, – сказала она, поставив на пол сумки и чемодан. – Там, слева, кухня и фанная... а справа, если пройти дальше, гостиная.

Она провела их в большую комнату с бревенчатыми стенами, ковриками на полу и камином. Сэмюэля пробрала дрожь, когда он окинул взглядом комнату. У него было странное чувство, что он бывал здесь прежде. Он узнавал все, но не мог понять откуда. Кресло-качалка, диван, покрытый разноцветным шерстяным одеялом, темный деревянный стол, полки, заставленные стеклянными вазами и пахнущими старостью книгами, вставленные в рамы картины гор и фьордов на стене и другие, настоящие, горы и фьорды за окном.

– Ах, да, – сказала тетя Ида, заметив, что Сэмюэль разглядывает картины. – Их нарисовал тот старик из деревни. Старый Тор – так его называют. Иногда он допоздна сидит на улице, рисуя воду и горы под звездным небом.

Из заднего окна открывался совсем другой вид – поросший травой склон, протянувшийся к странной массе темных сосен на горизонте.

Сэмюэль постарался прогнать ощущение, что он бывал здесь прежде, и вдруг заметил кое-что гораздо более чудовищное:

– А где телевизор?

– Здесь нет телевидения, – объявила тетя Ида.

Она как будто бы гордилась этим. Гордиться тем, что у тебя нет телевизора!

– Но я привез с собой игровую приставку, – сказал он. – И мне нужен телевизор, чтобы в нее играть.

Тетя Ида, похоже, не осознала серьезность ситуации, потому что сказала:

– Ну, значит, теперь тебе придется найти какого-нибудь другого тофарища для игр.

– Кого, например? – угрюмо осведомился Сэмюэль.

– Например... например... – тетя Ида чуть не сказала «например, твою сестру», но передумала, посмотрев на унылое и безжизненное лицо Марты. – Например, милого старого Ибсена.

При звуке этого имени в гостиную бесшумно вошел большой черный с серым пес и представился, завиляв хвостом. Хвост был белым и закручивался так, что кончиком касался спины, как будто был ручкой от горшочка в форме собаки.

– Не приставай ко мне, – сказал Сэмюэль, оттолкнув собачью морду.

Он ожидал, что пес заворчит на него, но тот только вильнул своим закрученным хвостом и посмотрел вверх на Сэмюэля с такой безграничной любовью, какую большинство людей выражают только тому, с кем прожили всю жизнь. Затем Ибсен мягко подошел к Марте, и на какое-то мгновение она как будто забыла о своих бедах. Радость тронула уголки ее губ, вызвав пусть не настоящую улыбку, но что-то, что могло бы в нее перерасти.

– Марта, – сказал Сэмюэль, показывая на ее лицо. – Ты улыбаешься!

Но полуулыбка, едва показавшись, вновь исчезла, словно испуганная лань, и Марта снова вспомнила всю свою печаль. Печаль, которая слегка облегчалась шершавым языком Ибсена, лижущим ее ладонь.

– Кажется, у тебя появился друг, – заметила тетя Ида, но осталось неясным, к кому она обращалась – к Марте или к Ибсену.

Пес пошел вместе со всеми наверх, где детям показали их спальню. Там стояли две кровати. Простыни и одеяла были заправлены аккуратно, как в больнице. В углу комнаты, словно неуклюжий гость, стоял высокий старый гардероб, взирая на детей сверху вниз.

– Я знаю этот шкаф, – сказал Сэмюэль. – Я его уже видел.

По лицу тети Иды пробежал испуг, словно слова Сэмюэля были опасными существами, ворвавшимися в комнату.

– Это очень популярная модель гардероба, – сказала она.

– Но эти обои я тоже видел.

– Эти обои чрезвычайно популярны по всему миру, я уферепа... Итак, вот ваши кровати...

Кровати были обращены к двум окнам, за которыми виднелся пологий зеленый склон и темнеющий вдаль лес.

Ибсен, который теперь стоял рядом с Сэмюэлем, поднял взгляд на мальчика и заскулил. И продолжал скулить, пока Сэмюэль не перестал глядеть на лес.

Тетя Ида была занята тем, что показывала Марте, куда складывать одежду в шкаф, когда Сэмюэль спросил:

– А что в лесу?

Тетя Ида резко повернула голову, как будто Сэмюэль только что произнес какое-то ужасающее ругательство.

– Там, в лесу, – продолжал Сэмюэль. – Там медведи? Или волки? Или что-то еще? Этого боялись те глупые люди?

Тетя Ида отошла от платяного шкафа, приблизилась к Сэмюэлю и нагнулась, так что ее лицо оказалось на одном уровне с лицом Сэмюэля.

Взглянув ей в глаза, Сэмюэль почувствовал, что его сердце стало биться быстрее. Вопрос о лесе как-то странно подействовал на тетю. Ее лицо, внезапно преобразившись, сделалось таким суровым, словно было выточено из камня.

– Не упоминай это место, – произнесла она пугающе серьезным голосом. – Не позволяй своему разуму думать о том, что там внутри. Когда выходишь на улицу, ты должен оставаться на траве, где я могу тебя фидеть. Это касается вас обоих. Это самое фажное правило из всех моих правил. Никогда не ходи в лес. Никогда. И никогда снова не заговаривай о нем. Ты меня понял?

Разумеется, Сэмюэль ничего не понял. Теперь у него в голове было больше вопросов, чем когда-либо прежде. Что такого опасного в этом лесу? И если оно так опасно, зачем жить так близко к лесу, что он виден из твоих окон?

Но Сэмюэль был так поражен внезапным преображением тети, что не нашел в себе сил сказать что-нибудь, кроме:

– Да, я понял.

Тетя Ида втянула воздух носом, словно проверяя правдивость его слов по запаху.

– Хорошо, – сказала она.

Затем она выпрямилась в полный рост и заставила себя вернуть улыбку на лицо.

– Ладно, – добавила она. – А теперь дафайте спустимся вниз и накормим ваши голодные желудки.

Суп из Рудольфа

– Что это? – спросил Сэмюэль, глядя в миску с мутной коричневой жидкостью.

– Олений суп, – ответила тетя Ида так невозмутимо, как будто суп из оленя был самой обычной вещью на свете.

Сэмюэль посмотрел на волоски на ее подбородке и верхней губе.

«Она такая же отвратительная, как этот суп», – подумал он, с трудом веря, что она и его мама были сестрами-близняшками.

Его мама была хорошенькой, и она всегда носила красивую одежду и красилась. Она мазала кожу над верхней губой каким-то вонючим кремом, чтобы избавиться от усиков, и дважды в неделю делала упражнения, чтобы держать фигуру в порядке. Она носила джинсы и яркие футболки, и каждую субботу по утрам ходила к парикмахеру, чтобы уложить или подкрасить волосы.

Сэмюэль посмотрел на черные с проседью волосы тети, стянутые в пучок. Посмотрел на ее красные щеки. Посмотрел на ее блузку и кофту, которым вполне могло бы быть двести лет. Ему было сложно поверить, что она и его мама принадлежали к одному виду – не говоря уже о том, что они были близняшками.

– Олень? Это отвратительно.

«Фу, – подумал он. – Суп из Рудольфа»².

– На самом деле это очень вкусный суп, – сказала тетя Ида. – Думаю, по вкусу он напомнит вам гофядину.

Сэмюэль наблюдал за тем, как его сестра отхлебнула немного супа из ложки, не проявляя никаких признаков отвращения или удовольствия. Он сделал то же самое, и его чуть не вырвало.

– Но это правда отвратительно.

– Это был любимый суп Хенрика, – заметила тетя Ида.

– Ну, значит, у этого Хенрика был очень плохой вкус, – заявил Сэмюэль.

Тетя Ида нагнулась над столом:

– Никогда не говори так о дяде Хенрике. Слышишь?

Ее голос был немногим громче шепота, но в нем прозвучала внезапная тихая злость, напоминающая кошачье шипение. Однако Сэмюэля взволновал не столько ее голос, сколько выражение лица. В ее глазах было столько боли, что в первый раз с тех пор, как они приехали, Сэмюэлю стало стыдно за свою грубость.

Ему захотелось сказать: «Простите меня», но он почему-то не смог выдавить из себя этих слов. Однако стыд отразился на его лице, потому что тетя Ида удовлетворенно кивнула и приступила к своему супу.

Повисла неловкая тишина, которая прерывалась только скулением Ибсена.

– Ох, Ибсен, что с тобой? – спросила тетя Ида.

Ибсен смотрел в окно, вытянув нос в сторону леса. Сэмюэль взглянул на пса и подумал, что в нем есть что-то странное, но не смог решить что именно.

Тетя Ида проигнорировала Ибсена и вернулась к своему супу.

– Ну, – сказала она, – когда мы доедим суп, я объясню вам обоим правила. Ведь вы же не сможете следовать правилам, не узнав сначала, в чем они заключаются. Согласны?

Марта кивнула. Сэмюэль не шевельнулся. Он не хотел выслушивать правила. Почему он должен делать так, как говорит тетя? В конце концов, никто никогда не делал так, как говорил

² Считается, что Санта-Клаус передвигается на санях, в которые запряжены восемь северных оленей. Самым известным из них является олень по имени Рудольф (*Прим. пер.*).

он. Даже когда то, что он говорил, было вопросом жизни и смерти – как, например, его попытка остановить родителей перед тем, как на машину упало бревно.

– Правила ставят все на свои места, – сказала тетя Ида. – И мы с вами тоже должны оставаться в определенных местах. Для нашей же пользы.

Сэмюэль взглянул на ее кофту, застегнутую до самого верха, и понял, что именно представляет собой тетя Ида. Она была человеком, застегнутым до самого верха. Он задумался над тем, что же заставляло все ее невидимые пуговицы держаться на своем месте.

– Итак, – сказала тетя Ида. – Поскольку вы доели суп, теперь пришло время фыслушать правила.

Сэмюэль собрался было возразить, но посмотрел на сестру и увидел, что она внимательно слушает тетю. «Может быть, Марте интересно, – подумал он. – Может быть, она хочет узнать правила». Поэтому Сэмюэль решил молчать и без возражений выслушал весь список тетиних правил с первого пункта по десятый.

ПРАВИЛА

- 1) Никогда не ходите на чердак.
- 2) Не говорите ничего плохого о дяде Хенрике, потому что его здесь нет и он не может постоять за себя.
- 3) Снимайте обувь у входной двери.
- 4) Никогда не кормите Ибсена в промежутках между едой, даже если он будет выпрашивать.
- 5) Съедайте все за завтраком, обедом и ужином. Однажды вам могут понадобиться все ваши силы.
- 6) Всегда спрашивайте у меня разрешение, прежде чем выйти на улицу.
- 7) Никогда не выходите на улицу после того, как стемнеет.
- 8) Если начинает темнеть, когда вы уже снаружи, возвращайтесь домой как можно скорее.
- 9) Никогда, ни при каких обстоятельствах, не ходите в лес.
- 10) Никогда не оспаривайте ни одно из правил. Особенно правило номер девять.

Хюльдры

За окнами было темно.

Сэмюэль и Марта никогда не видели темноты, подобной этой. В Англии ночная тьма всегда смягчалась далекими уличными огнями. Но здесь, вблизи дремучего леса, за несколько миль от ближайшей деревни, темнота была такой густой, что почти имела собственный вес. Можно было почувствовать, как она давит снаружи на окна, как будто дом схвачен лапой какого-нибудь гиганта.

Сэмюэль заметил, как что-то отразилось в стекле, и обернулся.

– Что это? – спросил он. Он указывал на странный свет, светивший в лицо тете Иде.

– Это специальная лампа, – тихо ответила она. – Лампа счастья. Она помогает мне не грустить слишком сильно, когда за окном становится темно.

Сэмюэль взглянул на сестру и задумался, не может ли лампа помочь и ей.

– А можно Марте попробовать? – спросил он.

– Если она захочет. Марта, ты не хочешь воспользоваться моей лампой счастья?

Марта посмотрела на трубки, испускавшие ультрафиолетовый свет, и отрицательно покачала головой.

Тетя Ида, отвернувшись от лампы, улыбнулась Марте.

– Ты как хюльдры, – заметила она, грустно улыбнувшись. Но на ее лице вдруг отразилось замешательство, словно она не собиралась произносить это вслух.

– Что такое хюльдры? – спросил Сэмюэль от лица Марты.

Тетя Ида надолго замолчала, глядя в темноту через щель в занавесках. «Возможно, не помешало бы рассказать им о хюльдрах, – подумала она. – Просто на случай, если что-то случится».

– Хюльдры – это существа, которые, как говорят, боятся света, – сказала она наконец, изменяя угол наклона лампы. Она старалась изобразить хюльдр менее опасными, чем они были на самом деле – так, словно они были просто выдумкой из детской сказки, а не существами, живущими в лесу возле ее дома. – Если на них попадает солнечный свет, их плоть испаряется. Они жифут в своем собственном подземном мире и выходят наферх только по ночам. Они зафидуют людям, которым не нужно проводить свои дни в темноте. «Хюльдр» по-норвежски означает «внизу». Хюльдры предположительно ростом с нас, но они очень мерзкие. У них есть хвост, их глаза очень странные, кожа серая, а тело костлявое. Говорят, что они заманивают людей и других существ в лофушки и заключают их в подземные тюрьмы.

Она внезапно замолкла, вспомнив о хюльдрах, которых, по словам Оскара, видел Старый Тор.

Сэмюэль подумал о кошмарах, которые он иногда видел, и о чудовищах с серой кожей, хвостами и широко расставленными глазами. Но это были всего лишь кошмары. Он знал, что они нереальны.

– А вы верите в хюльдр? – спросил Сэмюэль.

Тетя Ида пожала плечами, как будто пробуя этот вопрос на вкус. А потом сказала:

– Я ферю, что на свете существует больше вещей, чем нам известно.

«Она сумасшедшая, – подумал Сэмюэль. – Абсолютно чокнутая».

Его мама, конечно, верила в знаки Зодиака, но она, по крайней мере, не верила в хвостатых существ, живущих в подземном мире. Это все лампа безумия: она посылает безумные идеи в тетин мозг.

Позже, уже лежа в кровати, Сэмюэль сказал Марте:

– Я ненавижу это место.

Марта ничего не ответила.

– И я ненавижу ее. Я ненавижу ее волосатый подбородок, и ее суп из Рудольфа, и то, что у нее нет телевизора, и ее пуговики, и ее правила.

Марта по-прежнему ничего не отвечала.

– Марта... Марта, скажи что-нибудь... Пожалуйста... Просто спой песенку... издай хоть один звук... Пожалуйста... Я не могу это выносить: все время слушать только ее. Пожалуйста, сестренка. Пожалуйста...

Но Марта по-прежнему молчала. Где-то глубоко внутри она хотела поговорить с братом, но не могла найти слов.

– Знаешь, кто ты, Марта? – спросил он, вылезая из кровати. – Ты эгоистичная корова. У тебя вполне мог бы быть коровий хвост, потому что ты и есть корова. Ты эгоистка, и я понимаю, что ты ведешь себя так, потому что горюешь о маме с папой. Но я тоже горюю, и мне было бы гораздо лучше, если бы ты поговорила со мной. Марта? Говори! Скажи что-нибудь!

Он тряс ее за плечи, но она продолжала молчать. Только крепко зажмурилась и – когда он ее отпустил – как можно глубже зарылась в темноту под одеялами.

«Как кролик, – подумал Сэмюэль. – Или как хюльдр».

Дождавшись, когда Сэмюэль вернулся в свою кровать, Марта вылезла из-под одеял и стала смотреть на съежившийся силуэт брата на соседней кровати. Ей казалось, что между ними лежит целая вселенная. Более того, ей казалось, что вселенная окружала ее со всех сторон.

Ее не смущало это чувство. Она знала, что на самом деле это лучший способ существования. Ведь если ты не являешься частью этого мира – мира, который говорит, улыбается и поет, – то ты никогда не сможешь почувствовать себя по-настоящему несчастной.

Она была так близка с родителями – и вот чем это обернулось.

Нет. Вот как все будет отныне. Марта Блинк, окруженная вселенной со всех сторон, чтобы защититься от всей боли, всех слез и всего счастья этого мира.

Кошка с двумя ошейниками

На следующий день, предварительно спросив разрешения у тети, Сэмюэль отправился играть на травянистый склон, который поднимался от заднего фасада дома к кромке леса на горизонте. Он знал, что тетя Ида наблюдает за ним из окна кухни, чтобы удостовериться, что он не подойдет к лесу слишком близко.

«Что мне делать?» – подумал Сэмюэль.

Он решил выйти наружу только потому, что внутри делать было нечего. Ни телевизора. Ни игровой приставки. Только сестра, чей голос умер вместе с родителями.

Поэтому он отправился наружу, на поросший травой склон, протянувшийся между домом и лесом. Но, оказавшись на улице, он понял, что и здесь точно так же нечего делать. Здесь был только лес, куда ему нельзя, и трава. Много, много травы.

Он уже собрался было обратно, когда заметил черную кошку с необыкновенно яркими зелеными глазами, которая смотрела прямо на него.

«Странно, – подумал Сэмюэль. – У тети Иды ведь нет кошки».

Подойдя ближе, он увидел, что на кошке надеты два ошейника. Черный и белый. Оба были сделаны из какой-то ткани, и на каждом был маленький металлический диск.

– Эй, кис-кис.

Сэмюэль наклонился и поманил кошку рукой, но она и ухом не повела. Она сидела на своем месте, гордая как королева, и продолжала смотреть на мальчика изумрудными глазами.

– Эй, кис-кис. Кис-кис!

Протянув руку, Сэмюэль погладил кошку по голове и просунул палец под один из ошейников. Он попытался притянуть кошку за ошейник, но встретил сопротивление. Кошка рванулась назад, и ее ошейник, порвавшись, остался в руках Сэмюэля.

Он осмотрел металлический диск, прикрепленный к белой ткани, и прочитал выгравированное на нем слово:

Хек

– Хек, – произнес Сэмюэль. – Это имя тебе подходит. Странное имя для странной кошки. Оставаясь на том же месте, кошка зашипела на мальчика, укравшего один из ее ошейников.

– Нет уж, извини, – сказал Сэмюэль. – Теперь он мой. Да и зачем тебе два ошейника?

Внезапно Сэмюэль, потрясенный, замолчал. Он был уверен – настолько, насколько можно быть уверенным в подобных вещах, – что глаза кошки только что изменились. Он мог бы поклясться, что на одно короткое мгновение они сменили цвет с зеленого на черный или темно-темно-серый.

Он ощутил пробежавший по телу холодок. Причиной его был не только прохладный ветер; он понял, что в этом похожем на кошку создании, сидящем перед ним, было что-то ненатуральное.

– Мерзкая кошка, – пробурчал Сэмюэль. – Странная мерзкая кошка.

Он обернулся и взглянул через плечо на дом. В окне гостиной он видел тетю Иду, которая прошла на кухню, чтобы начать готовить ужин Ибсену.

Хотя он был напутан, домой ему идти не хотелось. Ведь обнаружение этой непонятной кошки, вполне вероятно, могло стать самым захватывающим событием, на которое можно надеяться в этом скучном месте.

– На что ты смотришь? – спросил Сэмюэль.

Глаза кошки, которые теперь снова приобрели свой нормальный цвет, были направлены прямо на белый ошейник, украденный Сэмюэлем.

– Ты, кажется, очень любишь этот ошейник, да?

Кошка снова зашипела, но шипение это не было обычным. Вместе со звуком изо рта кошки вырвалось небольшое облачко черного дыма, поднявшееся в воздух.

И в этот момент Сэмюэль ощутил легкое головокружение. В голове у него возникла какая-то путаница, заставившая его на минуту забыть.

«Кто я? Где я?»

«Я Сэмюэль Линк».

«Я в Ворнегии».

«Я Лэмбюэл Синк».

«Я в Снорвегии».

Во время этого странного душевного состояния все тело Сэмюэля внезапно ослабло, включая руку, сжимавшую белый ошейник.

Пальцы разжались, и ошейник упал на землю. Он моргнул, потом моргнул еще раз, и постепенно головокружение прошло.

«Я Сэмюэль Блинк. Я в Норвегии».

Он опустил взгляд на траву и увидел черную кошку с черным ошейником, уставившуюся на него.

– Эй, кис-кис. Кис-кис!

Сэмюэль смотрел в зеленые кошачьи глаза и понятия не имел, что всего пару секунд назад он видел, как они поменяли свой цвет на черный. Не помнил он и о маленьком облачке черного пара, которое кошка выпустила изо рта, и о белом ошейнике, который сейчас лежал на земле возле его ноги.

Кошка зашипела и продолжала шипеть, безуспешно пытаясь выпустить еще одно облачко пара, но у нее ничего не получалось. Конечно, Сэмюэль не понимал, что именно кошка пыталась сделать, потому что события последней минуты начисто исчезли из его памяти.

– Что с тобой? – спросил он, пока кошка отчаянно выпускала изо рта воздух. – Он снова наклонился и протянул руку к кошке. – Иди сюда, – позвал он. – Ты могла бы быть моей кошкой.

И в тот момент, когда он уже почти просунул палец под черный ошейник, кошка вдруг повернулась и со всех ног понеслась к лесу. Сэмюэль погнался за ней по склону холма, но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал позади голос тети:

– Сэмюэль! Остановись! Остановись! Сию же секунду возвращайся!

Обернувшись, он увидел тетю Иду, стоявшую возле дома и сжимавшую в руке нож, которым она нарезала обед для Ибсена.

При нормальных обстоятельствах он бы продолжал бежать. Ведь те вещи, которые тебе запрещают делать родители и тети, обычно оказываются самыми увлекательными и стоят двойных усилий.

Но когда Сэмюэль увидел, как черная кошка стрелой промчалась по сосновым шишкам и исчезла в туманной темноте между деревьями, он остановился. Не потому, что тетя Ида приказала ему остановиться. И не потому, что он запыхался, пока бежал против ветра. Нет, он остановился из-за внезапного страха, охватившего его, когда он приблизился к лесу, страха, который казался реальным и плотным, как кирпичная стена.

Он немного постоял на месте, вглядываясь в шершавые стволы сосен, которые теперь темнели всего в нескольких метрах от него. Они были похожи на грозные ворота, ведущие в тенистую и неизведанную землю. Сэмюэлю послышался какой-то звук. Станный далекий выкрик, который, казалось, не принадлежал к тому миру, который он знал.

А затем он увидел движущийся силуэт. Темноту, перемещавшуюся на фоне темноты там, где только что была кошка. Птица? Он не знал. И не хотел знать. Он повернулся и зашагал к тете, имевшей изрядно напуганный вид. Спускаясь по холму, он не заметил, как белый ошейник, подхваченный ветром, покатился вниз по холму, перелетел через дорогу и исчез в направлении дальнего фьорда.

Полет ведьмы теней

С помощью простого поворота шеи Ведьма теней превратилась из черной кошки в черного ворона, и оставшийся ошейник точно по размеру сжался вокруг ее шеи.

Ведьма лавировала между деревьев, держась низко над землей. Она миновала покинутую деревню хюльдр, где в домах лежали скелеты, и каменные дома троллей; все дальше и дальше летела она, прокладывая путь между сосен, пока не достигла поляны на севере леса.

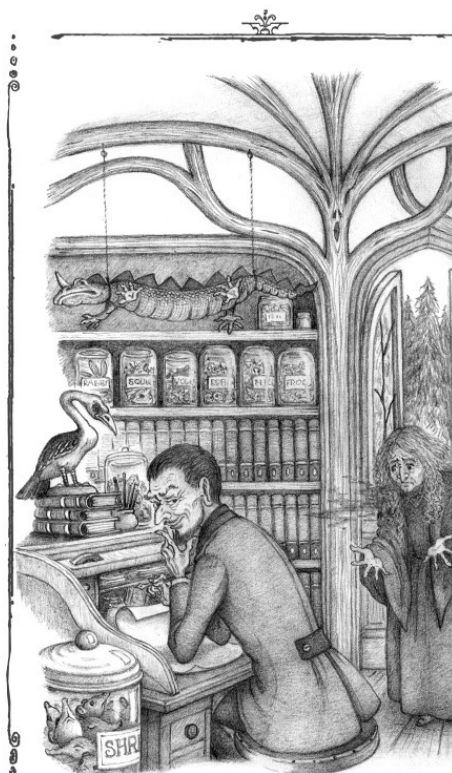
Там стояло дерево. Дерево с исполинским темным стволом, которое было больше самых больших деревьев во внешнем мире. Среди его ветвей был устроен огромный деревянный дворец. Громадное дерево стояло особняком, вдали от других сосен, обрамлявших поляну. Оно было известно – среди тех, кому оно вообще было известно, – как Безмолвное дерево.

Ведьма теней влетела в окно дворца и приняла свое истинное обличье, превратившись в седую сморщенную старуху с черными глазами, с каждым выдохом выпускавшую изо рта струйки теней.

– Хозяин, у меня есть новости.

Человек, к которому она обращалась, сидел, ссутулившись, за письменным столом. В руке он держал перо, а перед ним лежал чистый лист пергамента. И то, и другое наколдowała ему его слуга, Ведьма теней. Это комната была его кабинетом, и здесь он проводил теперь большую часть своего времени. Возле письменного стола стоял книжный шкаф, на полках которого была только одна книга (зато представленная во множестве экземпляров). Это был бестселлер, который он написал много лет назад: книга под названием «Существа Тенистого леса». На верхних полках шкафа вместо книг стояли головы. В банках, головы тех, кого он называл Врагами леса. Это были те существа, которые попытались – и не смогли – сбежать во Внешний мир.

Этого человека звали профессор Тэнглвуд, и в течение последних десяти лет он работал над своей книгой. Все это время он пытался написать историю своей жизни, но до сих пор не мог придумать достойное начало.

– «Я родился ясной звездной ночью», – пробормотал он себе под нос. – Нет! Дрянь! Никуда не годится!

Ведьма теней вежливо кашлянула:

– Хозяин.

– Да! Что такое? – рявкнул он, не оборачиваясь.

– Хозяин, я принесла тебе новости, – Ведьма теней сама слышала, как нерешительно прозвучал ее голос. Хотя прошло уже столько лет, человек, властвовавший над нею, до сих пор вселял в нее ужас.

– Говори, – скомандовал он. – Го-во-ри.

И тогда Ведьма теней заговорила, обращаясь к затылку профессора:

– Хозяин, я была во Внешнем мире, следила за белым бревенчатым домиком, как ты мне приказал. Я просто сидела на траве, когда вдруг увидела... мальчика. Человеческого мальчика, хозяин.

– Мальчика? – профессор Тэнглвуд повернулся в своем кресле. У него было длинное худое лицо, пожилое, но не такое старое, как у ведьмы. Под левым глазом виднелся узкий горизонтальный шрам. Волосы профессора Тэнглвуда все еще были темными, и в менее злой версии мира он, возможно, считался бы весьма привлекательным.

– Да. Мальчика, хозяин. Он подошел ко мне. Я сидела неподвижно, так что смогла хорошо его рассмотреть, но затем он попытался схватить меня и...

Колючие глаза ее хозяина были направлены на ее запястье.

– На тебе всего один браслет, Ведьма теней. Черный. Где же другой? – Он встал и подошел к ней.

– Хозяин, мальчик попытался схватить меня, так что я рванулась прочь, но он держался за белый браслет – браслет, который я украла у сестры. Я попыталась вернуть его колдовством, но ты же знаешь, как я слаба вне леса. Все, на что я оказалась способна, – это заклинание по стиранию памяти, так что мальчик забыл о браслете. Хозяин, прости меня.

Профессор Тэнглвуд закрыл глаза, вздохнул и произнес голосом спокойным и жутким, как кладбищенский ветер:

– Ты потеряла браслет.

– Хозяин, прости меня.

– Прости? Довольно бесполезное слово, не так ли? Что оно может сделать, это «прости»? Может быть, вернуть браслет? Или помешать любопытному ребенку войти в лес? Или, возможно, написать мои воспоминания?

– Нет, хозяин, оно этого не может.

Профессор Тэнглвуд долгим взглядом посмотрел на Ведьму теней, размышляя, когда же настанет тот долгожданный день, когда он убьет ее и похитит ее силы.

– Этой ночью мне приснился сон.

– Сон, хозяин?

Профессор кивнул.

– Сон о том, что два ребенка вошли в лес. – При воспоминании об этом уголки его губ растянулись в улыбку. – Они были убиты какими-то существами. Думаю, это была стая летающих головоукуков. Ах, слышала бы ты этот восхитительный звук! Я смотрел, как они умирают. Я смотрел и слышал их крики, и это меня утешало. А после того как дети умерли, весь лес зааплодировал. Все хюльдры, тролли, пикси и все остальные. Они аплодировали мне, словно осознав вдруг, зачем я внес перемены. В тот миг они знали, что я спаситель, уберегший их от людей. Которым я, разумеется, и являюсь. Видишь ли, Ведьма теней, даже твоя глупость не может поставить лес под угрозу. Ибо что самое плохое, что может произойти? То, что мальчик найдет белый браслет и решит нанести нам визит. Но ведь все мы знаем, что белая магия не чета черной. Впрочем, гораздо более вероятно то, что мальчик войдет в лес без защиты, которую дает браслет. А если это случится, его смерть будет такой же неизбежной, как восход солнца.

– Да, хозяин, – подтвердила Ведьма теней, выдыхая облачка черного пара.

– Оставь меня, – произнес он. – Мне нужно заняться книгой, ибо в тот день, когда все существа узнают, как много я сделал для их защиты, они полюбят меня. И тогда не будет ни сопротивления, ни попыток сбежать, и в любом месте леса, где бы я ни появился, будет раздаваться один и тот же возглас: «да славится профессор Тэнглвуд, ибо он – Мастер перемен!» А теперь иди, Ведьма теней. Иди. Но оставайся в лесу. Я не могу доверить тебе выходить за его пределы. Ты поняла меня?

– Да, хозяин.

Ведьма теней склонила голову и снова обернулась вороном. Она вылетела в то же окно, в которое влетела, и начала бесцельно парить над деревьями, глубоко печалась по браслету, который она потеряла. Печалилась она также и по мальчику, которого встретила на опушке. По мальчику, который – она знала это – однажды войдет в лес и никогда не вернется назад или вернется измененным до неузнаваемости.

Она летела так высоко, что ей был виден белый бревенчатый домик, и думала о людях, находившихся в нем.

«Оставайтесь там, – подумала она. – Оставайтесь в безопасности».

На кухне

Ветер со злостью бился в окно кухни, и такая же злость отражалась на лице тети Иды.

– Ты нарушил мое правило, – сказала она, отрезая последний кусок красного мяса, предназначенного Ибсену на ужин. – Самое важное правило.

– Я не нарушал его, – возразил Сэмюэль. – Я не заходил в лес.

– Да? А что же ты делал? Ты был прямо на фершине, – она поискала нужное слово, – склона... ты собирался войти в лес, не так ли?

Сэмюэль помедлил.

– Там была кошка.

– Кошка?

– Черная кошка. Я шел за ней. А она убежала в лес. Оставьте ваши трусики на себе³.

Тетя Ида смутилась:

– Не понимаю, какое отношение к этому имеет мое нижнее белье.

– Это просто такое выражение.

– Ну, в Норвегии такого выражения нет. В любом случае, ты должен понимать, что я не придумываю правила просто для забавы. Я не сижу и не думаю: «Ага, дафайте-ка сегодня придумаем правило, просто так. Дафайте носить только зеленую одежду, потому что сегодня вторник». У меня есть определенные причины для того, чтобы не пускать вас в лес.

– Ну, а я собираюсь пойти в лес, – Сэмюэль проверял тетю.

На самом деле его не особо тянуло в лес, но ему хотелось узнать, почему это было так важно.

И вот тогда-то, посмотрев на тетино рассерженное лицо и сжатые в ниточку губы, он кое-что понял. «Она не имеет надо мной власти».

Всю жизнь родители Сэмюэля контролировали его, запрещая делать всякие вещи.

Если он получал плохие оценки в школе, ему запрещали играть в игровую приставку.

Если он приходил домой слишком поздно, на следующий вечер ему запрещали идти гулять.

Если он дрался с сестрой, ему не давали карманных денег.

Поэтому большую часть времени он сдерживал себя, думая о том, что он потеряет, если поведет себя не так.

Но что он мог потерять теперь?

Он потерял маму и папу. Он потерял половину сестры (ту половину, которая болтала, улыбалась и пела). Он потерял всех своих друзей. Он не мог смотреть телевизор или атаковать другие планеты на игровой приставке.

Какое наказание могла придумать для него тетя Ида?

Ее еду он и так ненавидел, поэтому мысль о том, что его оставят без обеда, ничуть его не пугала. Она могла отправить его в комнату – ну и что с того? Там было не более скучно, чем во всех остальных скучных комнатах.

Она не могла придумать наказание, которое было бы страшнее воспоминаний, хранившихся у него в голове. Воспоминаний о том, что случилось на трассе В-642. Так что терять ему было абсолютно нечего.

– Да, я собираюсь пойти в лес, – повторил он. – Однажды, когда вы не будете следить за мной. Я пойду туда и увижу, что там такого особенного, о чем вы не можете даже говорить. Вы не сможете наблюдать за мной все время.

Тетя Ида бросила на него свирепый взгляд.

³ Keep your knickers on (англ.) – устойчивое выражение, означающее «успокойся, не злись».

– Но почему же ты будешь делать это после того, как я тебе объяснила, что это нарушение самого фажного правила?

– Потому что мне скучно, – ответил Сэмюэль. – Чем я, по-вашему, могу здесь заняться? Тут нет телевизора. Тут ничего нет! Только куча книг, написанных на норвежском, с дурацкими словами и дурацкими буквами вроде æ, ø и å.

– Ох, – вздохнула тетя Ида, – ты думаешь, это какая-то игра? Тебе кажется, что очень фесело нарушать правила твоей скучной старой тетки и ее скучного старого дома? А если я скажу тебе не бегать по краю пропасти, ты что, все равно станешь бегать по краю пропасти?

– Это не пропасть, – возразил Сэмюэль. – Это всего лишь деревья.

Тетя Ида засмеялась. Но смех этот не был радостным. Это был резкий пронзительный смешок, который разнесся по всему дому:

– Ха!

Марта, услышав этот звук из гостиной, оглянулась на брата, стоявшего на кухне. Громкий тетин смешок вернул ее назад к реальности, пусть и всего на одно мгновение.

– Ха! Всего лишь деревья! – воскликнула тетя Ида. – Если бы это были всего лишь деревья, думаешь, я бы сама не показала тебе лес?

Сэмюэль пожал плечами.

– Пожалуйста, Сэмюэль. – Пока тетя Ида боролась с особенно жестким куском мяса, Сэмюэль заметил, что она едва не плачет.

И тогда он нашел в себе силы сказать то, что вчера казалось ему таким трудным.

– Я... простите меня, – произнес он и почувствовал, что после этих слов ему стало легко, как будто он сбросил с плеч тяжелую ношу.

– Ох, Сэмюэль, – сказала тетя Ида, сдерживая слезы. – Ты прав. Одних правил недостаточно. Я не могу просто запретить тебе ходить в лес. В конце концов, ты федь мальчик. А для мальчиков правило – что-то вроде игрушки: что-то, с чем можно поиграть и посмотреть, как оно ломается.

Тетя Ида закрыла глаза и медленно выдохнула воздух через нос, показывая, что она собирается принять очень важное решение.

– Я должна рассказать тебе про лес, – прошептала она так тихо, что ее мог услышать только Сэмюэль. – Я должна рассказать тебе о том, что случилось с дядей Хенриком.

– А Марта? Ей вы об этом расскажете? – спросил Сэмюэль, оглянувшись на гостиную, где Марта сидела на коврике в обнимку с Ибсеном.

Тетя Ида нахмурилась:

– По-твоему, ей мало своих темных страхов в голове?

Сэмюэль затряс головой.

– Нет. Мы ей расскажем, но позже. Это будет наш с тобой секрет, понимаешь? Наш секрет. Очень фажный секрет. А теперь я пойду в холл накормить Ибсена, а после этого все тебе расскажу. О'кей?

– О'кей.

– Ибсен! Ибсен! Мербрад! Мясо!

Пес поднял голову с коврика и взглянул на Марту, как будто говоря тете Иде: «Я приду через пару минут. Но пока я должен еще немного побыть с Мартой».

Сэмюэль смотрел, как тетя Ида несла в холл миску с мясом.

Вернувшись, она приняла решительный вид, потому что история, которую она собиралась поведать, требовала от нее немало сил и храбрости. Она снова закрыла глаза и глубоко вздохнула, как будто готовясь нырнуть под воду.

– Ты слушаешь? – спросила она.

– Да, – ответил Сэмюэль.

– Тогда я начну...

Рассказ о том, что случилось с дядей Хенриком

Дядя Хенрик был замечательным челофеком. Он был лучше всех, кого я когда-либо знала. И мне несказанно повезло, что я фообще его встретила. Он занимался прыжками на лыжах с трамплина, а я была метательницей копья.

Это было двадцать пять лет назад. Мы оба были спортсменами, и не будет таким уж хвастовством сказать, что мы были весьма хорошими спортсменами, потому что мы оба участвовали в Олимпийских играх... Да, Сэмюэль, это правда... Твоя скучная старая тетка однажды участвовала в Олимпийских играх.

Я кидала копье! Я так и не выиграла медаль, но я была близка. Очень близка. Иногда я думаю, что если бы поспала тогда на час дольше или съела еще одно яйцо на завтрак... Но, в любом случае, мне не о чем жалеть.

Спустя два года меня пригласили на церемонию закрытия Зимних Олимпийских игр в Инсбруке. Этот город находится далеко за теми горами, которые ты видишь из окна. Это были те Зимние Олимпийские игры, на которых Хенрик выиграл серебряную медаль за прыжки с трамплина... Ах, ваш дядя был потрясающим прыгуном с трамплина... У него не было страха. Фообще. Он взлетал в фоздух так высоко, что казалось, будто ты смотришь на человека, укравшего у птиц секрет полета. Он проводил в фоздухе едва ли не целые минуты, так далеко наклоняясь вперед, что носом почти касался своих лыж. Ох, это было нефероятное зрелище!

Ну, так фот, тогда-то я и встретила его. Мы полюбили друг друга и поженились, и это было прекрасно. Нам не хотелось расставаться ни на минуту.

– У меня есть чудесная идея, – сказал мне Хенрик. – Мы переедем в дом далеко на севере и купим коз. Мы сможем делать свой сыр.

Мне казалось, что это глупая идея, и я боялась, что позже Хенрик будет сожалеть о своем решении. Он всегда любил сыр, но у него были все шансы выиграть золото на следующих Зимних Олимпийских играх. А быть золотым медалистом – это гораздо лучше, чем быть фермером и разводить коз!

Но Хенрик был настойчив.

– Ты единственная награда, которая важна для меня, – сказал он мне.

И мы сделали это. Мы проехали через туннели в горах и прибыли в этот дом, где мы сейчас находимся. Он был идеален. Слишком идеален, подумала я, потому что он стоил всего сто крон. И я была права. Фидишь ли, скоро мы узнали, что последний человек, живший в доме, пропал... в лесу.

Жители Флома толковали о лесных существах. Хюльдры, ведьмы, тролли, пикси и сотни других. Они рассказывали об ужасном создании, которое властвует над лесом, по имени Мастер перемен. Конечно, я думала, что невежественные сельчане просто несут какую-то чушь. Федь ясно, что все эти создания существуют только в сказках и детских книжках.

Однако мне было любопытно, как человек мог просто так исчезнуть. Поэтому я решила разузнать что-нибудь про предыдущего хозяина. Я узнала, что он был англичанином, профессором, его звали Горацио Тэнглвуд. Сельчане все нам о нем рассказали.

Они рассказали, что он был очень высокомерным человеком, который десять раз просил Старого Тора нарисовать свой портрет.

Он был профессором по норфежскому фольклору. Это значит, что он изучал всех тех странных тварей, в которых ферили люди в Норфегии, пока наука и Библия не объяснили им, что тролли, хюльдры и пикси не могут существовать в реальности.

Выяснилось, что профессор Тэнглвуд пропал во время своего второго похода в лес. В первый раз он спасся и тогда-то и дал лесу его имя. Тенистый лес, или Мерке Ског, как называют его норвежцы. Он пофедал всем о своем опыте в книге под названием «Существа Тени-

стого леса», в которой говорилось о том, что истории о троллях и хюльдрах – чистейшая правда. Также там описывались многие другие твари. Всего больше сотни. И все были одинаково смертоносны. Он написал, что все лесные твари находятся под властью жестокого существа по имени Мастер перемен, который не останавливается ни перед чем, только бы не позволить людям проникнуть в лес и открыть его тайны.

Эта книга сделала профессора посмешищем в Бергенском Университете, где он работал. Говорили, что он так долго изучал мифы, что утратил связь с реальностью. Но ни у кого не хватало мужества пойти в лес и проверить, правду ли он говорил. И тогда люди стали бояться еще сильнее.

Почему? Да потому что, когда профессор во второй раз отправился в лес, он больше не вернулся.

Я сказала дяде Хенрику, что мы ни в коем случае не должны ходить в лес, и дядя Хенрик согласился со мной. Каждое утро мы вставали, доили наших коз, и Хенрик делал сыр в той комнате, что находится за кухней. Вон в той, с желтой дверью. Теперь это фанная.

Наш сыр «Гейтост» скоро стал самым популярным в округе. Жители Флома не дураки, когда дело касается сыра.

У этого сыра был идеальный вкус и идеальная структура, и он был легче обычного «Гейтоста». Он был золотистого цвета, не слишком коричневый. Фот почему Хенрик назвал его «Золотая медаль». Он говорил мне: «Фидишь, я все-таки получил свою золотую медаль!»

Он так гордился этим сыром. Так, так гордился. Он полюбил сыр даже больше, чем когда-то любил прыжки с трамплина. Оскар, бакалейщик, тоже любил сыр Хенрика и заказывал его у нас на год вперед... Мы с Хенриком были так счастливы, и мы зарабатывали очень много денег. Мы были преуспевающими – помнишь, как по-норвежски будет «преуспевающий»?.. Правильно, Сэмюэль. Хелл.

Итак, на чем я остановилась? Ах да, сыр. Мы зарабатывали много денег, и это было золотое время смеха, горящих дров в камине, теплых объятий и вкусного сыра. Но потом кое-что произошло. Кое-что плохое. И это навсегда изменило нашу жизнь.

Существа тенистого леса

Сэмюэль был захвачен рассказом тети Иды. Он размышлял, была ли она тогда такой же, как сейчас. Была ли она такой же строгой и застегнутой на все пуговицы. Он сомневался в этом. Так что же случилось с дядей Хенриком?

По мере того как тетя Ида приближалась к кульминации рассказа, ей становилось все труднее продолжать повествование. Она вдруг остановилась – внезапно, как человек, только что заметивший, что бежит к краю пропасти. Она сделала себе чашку яичного кофе и налила Сэмюэлю морошкового сока.

За дверью Ибсен со скрежетом возил железную миску по полу, вылизывая последние капли своего ужина.

– Ладно, – сказала тетя Ида, подув на свой кофе. – Теперь я расскажу тебе, что было дальше.

Она глубоко вдохнула, как будто собираясь нырнуть. И когда она начала говорить, ветер, бившийся в окно, вдруг затих, словно остановившись послушать ее рассказ.

– Мы поняли, что что-то не так.

Наши козы стали пропадать. Каждую ночь одна из них просто-напросто исчезала. Дядя Хенрик был в таком отчаянии, что пошел в Флом и рассказал об этом жителям... ну, ты можешь представить, что они сказали. Они винили во всем лесных тварей. А именно троллей. Тролли известны тем, что крадут коз, сказали они ему.

Я велела Хенрику не слушать этих невежественных людей, которые жили в плену суеверий. Но Хенрик возразил, что это единственное возможное объяснение. В округе не было других фермеров, которые могли бы украсть наших коз, и Хенрик сказал, что козы не могут случайно пропадать каждую ночь.

И тогда, в тот день, когда мы потеряли нашу одиннадцатую козу, он пошел в книжный магазин в Фломе и купил книгу профессора Тэнглвуда. В ней говорилось, что тролли известны тем, что крадут коз, а также убивают людей.

Чем дальше он читал, тем больше начинал верить «Существам Тенистого леса». Он сидел и проглатывал одну страницу за другой, не отрываясь от книги часами.

Дочитав книгу, Хенрик сказал, что есть только один способ найти наших коз: пойти в лес. Я напомнила ему о данном мне обещании – не поддаваться соблазну идти в лес, в котором пропал человек. Но я знала, что это бесполезно. У него был такой же взгляд, как перед прыжком с трамплина. Он только повторял: «Никто не может украсть безнаказанно – даже тролли».

Я сказала ему: «Я пойду с тобой», но он попросил меня остаться и присматривать за оставшимися девятью козами. Я говорила: «Люди не возвращаются из этого леса». А он отфедчал: «Не возвращаются только те, кто не хочет вернуться. Не волнуйся, Ида, любимая, что бы ни случилось, я всегда найду дорогу к тебе. Ни один тролль не сможет меня остановить. Я обещаю».

И он отправился в лес, а я ждала его. Я ждала, ждала... Через три дня я пошла в Флом. Я объявила в полиции, что он пропал, но они только отнекивались, сказав, что Тенистый лес – не их территория. Я рассказала всем, что он пропал, но никто не осмелился пойти в лес на его поиски. Никто, даже Оскар, который так много заработал на его сыре.

Я продолжала каждую ночь следить за козами, как велел Хенрик, но я не могла обходиться совсем без сна, и когда я в итоге засыпала, пропадала очередная коза. И так продолжалось до тех пор, пока коз совсем не осталось. Ни коз, ни Хенрика.

В то утро, когда я обнаружила пропажу последней козы, был сильный снегопад. Ранним утром я вышла из дома в поле и уфидела на снегу отпечатки ног, идущие от леса. На секунду мое сердце подпрыгнуло от счастья. Хенрик вернулся! Но потом я поняла, что следы завоора-

чивают и возвращаются в лес. Я всмотрелась в них повнимательнее и обнаружила, что это были отпечатки не ботинок, а босых ног. И не просто ног, а огромных ног с тремя пальцами. Следы тролля. Все это время Хенрик был прав. Это тролли крали наших коз и утаскивали их в лес! И только Богу известно, что они сделали с Хенриком.

Я была в отчаянии. Я не знала, что делать. Я часто лежала без сна, думая о том, что могло случиться с ним в лесу. Но я научилась следить за собой и держать эти мысли под контролем – я еще не была готова сойти с ума.

Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, не захотелось ли мне пойти за ним в лес? Ну, могу тебе сказать, что много раз я паковала рюкзак, надевала ботинки и хватала свое копье, готовясь идти на его поиски.

Но каждый раз, когда я уже шла по пустому полю, где больше не было коз, я чувствовала, как что-то меня удерживает. Я вспоминала, как он просил меня ждать его дома, и слышала его последние слова: «Что бы ни случилось, я всегда найду дорогу к тебе». Может быть, это было просто моей слабостью. Может быть, я была слишком напугана. Но я так и не смогла заставить себя войти в лес.

И я остафалась дома, стараясь занять себя чем угодно: книгами, вязанием и другими вещами, которые могли меня отвлечь. Я молилась о какой-нибудь компании, о чем-то, что позволило бы мне не сидеть сложа руки, и, видимо, мои молитвы были услышаны, потому что однажды утром я нашла бродячую собаку, спавшую на трафе. Да, правильно. Это Ибсен. Возможно, он не такая хорошая компания, как ваш дядя, но определенно лучшая, чем коза. И благодаря ему я почувствовала себя в безопасности. Он стал моим защитником от троллей.

Прошло время, и ужасные мысли о том, что могло случиться с Хенриком в лесу, сменились более приятными. Например, воспоминаниями о нем – о том, как он летит по воздуху на своих лыжах, или улыбается, нюхая свой сыр «Золотая медаль».

Конечно, было бы проще, если бы мне не приходилось каждый день видеть эти жуткие деревья. Но я не могу переехать – так же, как не могу войти в лес. И, в любом случае, теперь у меня есть ты и Марта... Какая команда, а? Ибсен, Сэмюэль, Марта и старая тетя Ида.

Сэмюэль посмотрел на тетю и увидел, что в ее глазах блестят слезы, которые она пытается скрыть. Он отхлебнул морошкового сока, как будто пытаясь избавиться от неприятного вкуса во рту.

Тролли, хюльдры и сотни других существ, живущих в лесу возле дома... В это невозможно поверить. Он и не поверил. По крайней мере, не до конца. В конце концов, что доказывают следы на снегу? И почему он должен верить в сумасшедшего профессора?

Но он вспомнил свой собственный страх, охвативший его, когда он смотрел в темноту между деревьями, и проглотил остатки сока.

– Итак, – сказала тетя Ида. – Теперь ты все знаешь.

– Да, – ответил Сэмюэль, хотя это было и не совсем так.

Он вышел из кухни и присоединился к сестре, сидевшей в гостиной. Она глядела в заднее окно, выходящее на лес.

– Марта, – позвал он.

Сестра повернулась к нему. И он увидел ее взгляд, ставший бессмысленным от страха.

– Марта...

Он не знал, что сказать.

Ночные песни

Посреди ночи Сэмюэль проснулся от звуков пения.

Этот звук был совсем тихим. Но Сэмюэль спал некрепко, и этого звука оказалось достаточно, чтобы он открыл глаза и заинтересовался тем, что услышал.

Он лежал в темноте, ожидая возвращения голоса, но ничего не происходило. Было слышно только, как дождь мягко стучится в окно. Он перекатился на другой бок и посмотрел на темный силуэт сестры, спавшей глубоким сном без сновидений.

А потом он снова это услышал. Пение.

*Я знавал говорящее дерево,
И его я учил улыбаться.
Я сказал: «Извини меня, дерево,
Если хочешь ты покрасоваться,
Будь как я, улыбнись: это модно,
Привлекательно и благородно».*

Песенка показалась Сэмюэлю давно знакомой и похожей на те детские песенки, которые часто напевала его мама. Он знал, что откуда-то помнит этот голос. И язык. Сэмюэль скинул одеяло и подошел к окну. Выглянув сквозь шторы, он всмотрелся в темную дождливую ночь и поначалу не увидел ничего. Все вокруг было такого же фиолетово-черного цвета, что и небо.

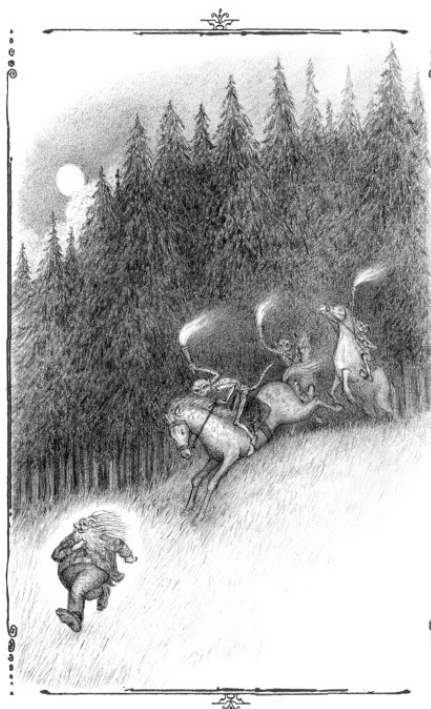
Но постепенно, когда его глаза привыкли к бледному свету луны, он начал различать разные степени темноты. Густую черноту дальнего леса и менее темную траву под окном. Он окинул взглядом склон холма, разрешив своим ушам вести за собой глаза, и наконец увидел маленький круглый силуэт, похожий на ходячий бочонок, который спускался с холма по направлению к фьорду. Существо. Из леса. Он открыл окно, чтобы лучше слышать голос этого существа.

*Дождь идет, дождь идет,
Что мне дождик принесет?
Но я вовсе не печалюсь,
Когда с дождиком встречаюсь.
Он намочит мою куртку,
Станет капать мне на шкурку.
Но зачем мне быть сухим,
Если способом таким
Небо плачет, посылая
Дождь от края и до края.*

Сэмюэль стоял у окна, слушая забавные песенки существа и глядя на его маленькую толстенькую фигурку, спускавшуюся с холма.

*Я сбежал этой ночью,
Туманящей очи,
Что мне было терять?
Но пока я живой,
Моя песня со мной.
Даже хюльдрам ее не отнять.*

Дождь прекратился, и песня умерла вместе с ним, и теперь не было слышно ничего, кроме жутковатой тишины лунной ночи.

Сэмюэль потерял существо из виду. Снова начался перестук дождя. Или, по крайней мере, того, что звучало как дождь. Потому что когда Сэмюэль высунул руку в окно, на его руку не упало ни единой капли.

«Это не дождь».

Он был прав. И спустя пару секунд он увидел что-то вдали. Тусклый трепещущий свет, похожий на свет умирающего солнца, который двигался со стороны леса. По мере того как золотистый огонек приближался и становился больше, сердце Сэмюэля начинало колотиться все сильнее, почти в одном ритме со звуком, движущимся по направлению к опушке леса.

И тут он понял, что это за звук. Это был топот копыт. Он разглядел трех белых жеребцов и всадников, каждый из которых держал по пылающему факелу. Они уже выехали из леса, но все еще находились слишком далеко, чтобы в темноте можно было рассмотреть их лица.

Решив, что с первого этажа ему будет виднее, Сэмюэль вышел из спальни. Он на цыпочках прошел мимо двери тети Иды и тихонько прокрался в гостиную. Там он подошел к окну и просунул голову между занавесок. Он увидел, что теперь пылающие факелы приблизились, освещая трех всадников. Сначала ему показалось, что это люди, но потом, в свете мерцающих факелов, он увидел, что это были странные сухопарые существа с широко расставленными глазами и приплюснутыми сморщенными носами.

Это были они. Чудовища из его кошмаров.

«Я сплю, – сказал он себе. – Конечно же, я сплю».

Они выкрикивали команды и хлестали лошадей, несясь галопом за бочкообразным поющим толстячком.

– Сэмюэль? Сэмюэль? Что случилось?

Тетя Ида в длинной ночной рубашке, очень взволнованная, стояла за его спиной.

– Я не знаю, – ответил Сэмюэль, когда тетя подошла к окну и встала рядом с ним.

– Хюльдры, – торопливо прошептала она.

Хюльдры уже скрылись из виду и скакали к фьорду. На некоторое время воцарилась тишина, и Сэмюэль с тетей Идой замерли у окна, неподвижные и бесшумные, словно стеклянные вазы на полках. Когда хюльдры, летя галопом, снова появились в поле зрения, они тащили за собой сеть с поющим существом внутри.

– Отойди, – сказала тетя Ида. – Отойди от окна! Отойди! Сейчас же!

– Ай, – воскликнул Сэмюэль, когда она рванула его за руку. – Не трогайте меня.

Он отбросил руку тети и продолжал смотреть в окно.

– Сэмюэль. Отойди, или они тебя уфидят. Отойди. Быстро. Если они уфидят тебя, они придут за тобой. И за мной. И за твоей сестрой.

– Я не боюсь, – возразил он, но не смог скрыть страх в своем голосе.

– Тот, кто боится, остается в живых, – ответила она.

В голосе тети слышался неподдельный ужас, поэтому он отступил назад и слушал, как хюльдры тащили за своими лошадьми сетку с несчастным поющим созданием.

Тетя Ида удерживала его за руку, и на этот раз он не сопротивлялся. Он чувствовал, как постепенно успокаивается ее колотящееся сердце, и ощущал крепкую хватку ее сильных рук.

– Что это было за существо? То, которое пело? – спросил Сэмюэль.

– Томте, – ответила тетя Ида.

– Вы видели их прежде?

– Да, – сказала она. Ее голос дрожал, как бревно под порвавшимся ремнем. – Да, фидела.

И... и ты тоже.

– Не понимаю.

– Разве это пение не показалось тебе знакомым? А также шкаф и обои, которые ты узнал?

– Я... – пробормотал Сэмюэль, отстраняясь. – Я... не... я...

И тогда-то тетя Ида рассказала Сэмюэлю о том, о чем она умолчала днем. О том, как ее сестра – мама Сэмюэля – приехала навестить ее с мужем и детьми.

– Это правда, Сэмюэль. Ты... ты... был здесь, когда тебе было два, а Марта была совсем крошкой. Твоя мама узнала о том, что дядя Хенрик пропал, и приехала меня поддержать. Конечно, она не ферила моим рассказам о лесных существах. Не ферила до тех пор, пока не услышала однажды ночью твой крик.

Сэмюэль был совершенно сбит с толку. Он стоял и пытался сквозь тьму взглянуть в тетино лицо.

– Нет. Мама говорила, что она не возвращалась в Норвегию. Вы врете. Она говорила...

– Она говорила так, чтобы защитить тебя, Сэмюэль, – прервала его тетя Ида. – Она хотела, чтобы ты забыл, что когда-то быфал здесь, забыл, что видел нечто похожее на то, что увидел только что. После того как твои родители поняли, что лесные существа реальны, они больше не возвращались сюда, потому что боялись, что вы с Мартой не будете здесь в безопасности. А я не могла навестить вас в Англии, потому что должна была оставаться здесь до возвращения Хенрика.

Сэмюэлю хотелось бы думать, что все это ложь, но он помнил странные сны, которые видел постоянно. Сны про существ, которые, как он знал теперь, назывались хюльдрами.

– Я был здесь прежде, – прошептал он, когда эта мысль оформилась у него в голове. – Я знал это. Я был здесь прежде. Чудовища были настоящие.

– Да, – подтвердила тетя Ида. – Теперь ты понимаешь, почему мои правила так важны? Понимаешь, почему нельзя выходить из дома, когда стемнеет, и подходить близко к лесу?

– Но я не понимаю, – сказал Сэмюэль, – почему вы не можете просто переехать?

Тетя Ида сглотнула подступавшие к горлу слезы.

– Я обещала Хенрику остаться, – проговорила она. – Уехав из этого дома, я предам его. Понимаешь?

– Хенрик не вернется, – сказал Сэмюэль.

– Нет, – возразила тетя Ида. – Он вернется. Я знаю это. Он обещал. И он ни разу в жизни не нарушал своих обещаний.

Пять ломтиков коричневого сыра

Проснувшись утром, Сэмюэль удивился, увидев, что тетя Ида ведет себя так, словно ничего не случилось. Ему хотелось поговорить о хюльдрах, но он знал, что нельзя этого делать при сестре, поэтому он тоже стал вести себя как ни в чем не бывало.

Сэмюэль не знал, что за ночь тетя Ида приняла решение. Они уезжают. Им нельзя оставаться здесь еще на одну ночь. Оскар был прав. Одно дело – удержать детей вдали от леса, и совсем другое – удержать лес вдали от детей. Хенрик бы этого хотел, сказала она себе. И поэтому утром она встала очень рано и, как только рассвело, вывесила на улице постиранное белье, чтобы быть уверенной в том, что все готово к переезду. Но она решила до поры до времени не сообщать об этом детям, потому что это только взволновало бы Марту и испортило бы ей аппетит за завтраком.

– Отнеси это на стол, – попросила тетя Ида, протягивая Сэмюэлю поднос для завтрака, уставленный тарелками с хлебцами и сыром.

Сэмюэль никогда не любил сыр. Однако он никогда еще не видел ничего похожего на то, что лежало на тарелке. Сыры, которые он пробовал дома, были желтые или белые, но этот был странного коричневого цвета.

– Что с твоим лицом, молодой человек? – осведомилась тетя Ида, протягивая детям по стакану морошкового сока. – Ты никогда раньше не фидел сыр?

– Только не коричневый сыр, – последовал ответ Сэмюэля.

– Это потому, что ты никогда не фидел сыр «Гейтост», – сказала тетя Ида. – Это сыр вроде того, что делал дядя Хенрик. Он очень популярен у лыжников. Они берут головки такого сыра с собой на склоны, чтобы поддерживать свои силы. Конкретно этот сыр не такой вкусный, как Хенрикова «Золотая медаль», но все равно это норвежский деликатес. Это сладкий козий сыр. Вкус немного напоминает карамель. Или даже шоколад. Дети едят его на завтрак, и взрослые его тоже едят. – Она говорила быстрее, чем обычно, как будто боялась тишины между словами.

Тетя Ида отрезала тонкие, как бумага, ломтики сыра каким-то забавным ножиком. Сэмюэль заметил, что ее рука дрожит. Ибсен очень внимательно наблюдал за происходящим. Создавалось впечатление, что он любит сыр больше всего на свете. Даже больше мяса. Не то чтобы ему когда-нибудь давали попробовать сыр. Ему приходилось довольствоваться его ароматом, который дразнил его ноздри и заставлял его капать слюной на ковер.

– Фидишь эту ручку? – спросила тетя Ида Марту, не ожидая ответа. – Она сделана из оленьего рога.

Сэмюэль вздохнул, вспомнив хюльдр:

– И кого это волнует?

Тетя Ида решила проигнорировать угрюмое выражение лица, которым сопровождался этот вопрос.

– Ну, – заметила она, – думаю, что оленя это волновало очень сильно.

Она улыбнулась, как будто удачно пошутила, но в глазах ее таился страх.

– Я не люблю козий сыр, – сказал Сэмюэль. – Я люблю коровий сыр.

Трясущимися руками тетя Ида положила пять тонких ломтиков «Гейтоста» на тарелку, добавив туда немного хлебцев.

– Что ж, молодой человек, в этой части Норвегии люди держат коз, а не коров.

Она положила Марте такое же количество сыра и хлебцев, и Сэмюэль смотрел, как сестра начала есть, не выказывая никаких признаков недовольства или энтузиазма. Потом он взглянул через окно гостиной на пустое поле, покрытое травой, которое простиралось перед лесом, и подумал о хюльдрах, поймавших маленькое существо. Его пробрала дрожь.

Сэмюэль отогнал от себя страх и подхватил с тарелки ломтик коричневого сыра и хлебец.

Если бы в те пять минут, за которые Сэмюэль расправился со своим завтраком, в комнате появился гость, он был бы введен в заблуждение, решив, что этот внезапно притихший молодой человек был самым послушным двенадцатилетним мальчиком на свете.

Однако если бы у гостя было острое зрение – более острое, чем у тети Иды, – он бы заметил, что Сэмюэль ест только хлебцы.

Перед тем как откусить первый кусок, он встряхнул рукой. Сыр при этом упал ему на колени. И затем он мог складывать упавшие ломтики в карман рукой, которую он незаметно держал под столом. Он улыбался, зная, что нарушает пятое тетино правило.

И затем, сразу после завтрака, Сэмюэль решил нарушить еще одно правило тети Иды.

– Я собираюсь залезть на чердак, – сказал он сестре, когда они сидели на кроватях в своей спальне.

Марта отрицательно затрясла головой.

– Да, – подтвердил Сэмюэль. – Когда она пойдет вешать белье, я собираюсь пойти посмотреть, что там наверху такого особенного, что она хочет от нас скрыть. – Он был полон решимости разузнать побольше про лес, особенно после этой ночи, и был уверен, что найдет подсказку на чердаке.

Марта снова затрясла головой, и на мгновение Сэмюэлю показалось, что она искренне обеспокоена.

– Да, – сказал Сэмюэль. – Я иду.

И поэтому, когда Сэмюэль услышал, что тетя направляется к бельевым веревкам, он оставил сестру сидеть на кровати и спустился на лестничную площадку. Там находилась лесенка, ведущая к потолку с маленькой квадратной деревянной дверцей.

Однако на полпути Сэмюэль столкнулся с неожиданной проблемой. Проблема имела четыре ноги, виляющий хвост и весьма громкий голос.

– Нет, Ибсен! Чш-ш-ш! – взмолился Сэмюэль.

Но Ибсен был не из тех собак, которых можно легко утихомирить, и продолжал своим лаем уведомлять тетю Иду о том, что Сэмюэль нарушает правило.

И тогда Сэмюэль вспомнил. Сыр! Он вытянул из кармана тонкие ломтики «Гейтоста» и бросил их на лестничную площадку.

Сработало! Лай затих. Молчание Ибсена было куплено за пять ломтиков коричневого сыра.

Сэмюэль отодвинул щеколду и толкнул дверцу, после чего забрался наверх в комнатку, полную пыли и паутины.

Чайная коробка

На чердаке было темно, и Сэмюэлю пришлось подождать, пока его глаза привыкнут к темноте. Там было маленькое оконце, но оно было так сильно заплетено паутиной, что неяркое норвежское солнце с трудом пробивалось сквозь стекло.

Потолок был низким, и любому человеку повыше ростом, чем Сэмюэль, пришлось бы согнуться в три погибели, идя по скрипящим половицам. Однако Сэмюэль был значительно ниже своей тети и поэтому мог передвигаться по темной комнатке с относительной легкостью. Несмотря на это, он все же ухитрился удариться коленом о коробку из-под чая, коварно притаившуюся в полутьме.

– Ой, – воскликнул Сэмюэль и тут же зажал себе рот.

Он порывлся в коробке, ожидая найти что-нибудь интересное, но обнаружил только старую одежду. Одежда была мужской, так что Сэмюэль предположил, что она принадлежала дяде Хенрику.

На стенах висело несколько картинок. Фотографии в рамках. Сэмюэль прищурился и разглядел мужчину, стоящего на снежном склоне горы и сжимающего в руках пару лыж. Мужчина улыбался – или, может быть, смеялся. На нем был сиреневый спортивный костюм, так плотно прилегавший к телу, что если бы его кожа была сиреневой, невозможно было бы сказать, где кончается костюм и начинается кожа.

Рядом висела другая фотография. Мужчина, летящий по воздуху на лыжах. И еще одна, на которой тот же мужчина стоял перед большущим куском коричневого сыра.

Сэмюэль снова перевел взгляд на фотографию с мужчиной, стоящим на снежном склоне. Когда он на нее смотрел, у него появлялось странное чувство, что он видел этого мужчину только вчера. Эти смеющиеся глаза казались ему такими же знакомыми, как глаза тети Иды. Он понимал, что это дядя Хенрик, но от этого чувство узнавания не становилось менее загадочным.

– Как странно, – сказал он себе.

Он огляделся вокруг и увидел какой-то предмет, лежавший у стены за чайными ящиками. Это были лыжи, которые он видел на фотографии. Потом на другой стене он заметил кое-что еще. Стекланный ящичек с серебряной медалью его дяди.

Сэмюэль направился к ящичку, чтобы рассмотреть медаль получше, но внезапно его внимание привлекла еще одна чайная коробка. Она была накрыта старой скатертью, как будто скрывала что-то находившееся внутри. Оглядевшись вокруг, он посмотрел на другие чайные коробки, но скатертью была накрыта только эта.

Заинтригованный, Сэмюэль начал стягивать скатерть с коробки. Но не успел он заглянуть внутрь, как вдруг подскочил на месте, испуганный внезапным порывом ветра, ударившего в маленькое чердачное оконце.

Он сам не понимал, почему так испугался. Возможно, из-за того, что он видел этой ночью. Или, быть может, из-за того непонятного чувства, которое появилось у него, когда он смотрел на фотографию дяди.

Как бы то ни было, Сэмюэль знал, что у него осталось не так много времени до того момента, когда тетя застучает его за разведкой на чердаке. Поэтому он закрыл глаза и резко сорвал скатерть с коробки, словно фокусник, проделывающий трюк с вырыванием скатерти из-под чайного сервиза.

Он открыл глаза и тут же почувствовал разочарование. Коробка была заполнена книгами, которые даже не казались хоть сколько-нибудь интересными. Это были старые книги в скучных твердых обложках тусклых цветов и без картинок. И они были написаны на норвежском.

Сэмюэль не прочел ни одной книги с тех пор, как умерли родители. Он пытался. Миссис Финч, соседка, присматривавшая за ним с Мартой до тех пор, пока они не улетели в Норвегию, предложила Сэмюэлю попробовать почитать, чтобы отвлечься от печальных мыслей. Но он никак не мог достаточно сосредоточиться, чтобы дочитать до конца хоть одно предложение. Его сознание было слишком наполнено воспоминаниями об аварии, так что его глаза скользили между слов, как ноги по обледенелому тротуару.

Вытаскивая книги одну за другой из чайной коробки, Сэмюэль просматривал названия на корешках.

Нифлхейм ог Муспеллшейм
Ультима Туле
Аск ог Эмбла
Эсир
Пер Гюнт

Но потом под всем этим он заметил другую книгу. Она лежала на самом дне коробки, так что Сэмюэлю не сразу удалось достать ее.

Книга была тяжелой – тяжелее, чем обычно бывают книги такого размера, – как будто каждое слово в ней имело двойной вес. Обложка была скучных зеленых оттенков, как трава в мартовском тумане, но почему-то смотрелась лучше, чем обложки всех остальных книг.

Сэмюэль взглянул на корешок и почувствовал, как у него по спине пробежал холодок. А ветер продолжал стучать в боковую стену дома.

На книге было название, которое он мог прочесть. Она называлась «Существа Тенистого леса» и была написана профессором Тэнглвудом.

Манящая темнота

Пока ее брат проводил разведку на чердаке, Марта, сидя в спальне у окна, наблюдала за тетей, снимающей белье с веревок.

Дул сильный ветер, который швырял в лицо тете Иде куртки и кальсоны, пока она снимала с них прищепки. Одна непослушная простыня, словно в отчаянном прощальном объятии, закрутилась вокруг ее головы и тела перед тем, как тетя Ида положила ее в корзину.

О чем думала Марта, сидя в своей спальне и глядя в окно? Будь вы в тысячах миль от нее или в той же спальне, вы бы все равно не поняли, что таилось в глубине этих карих глаз, наблюдавших, как тетя Ида борется с ветром.

Правда заключалась в том, что она не обращала почти никакого внимания на то, на что смотрели ее глаза. Со времени смерти родителей все, что она видела во внешнем мире, отскакивало от нее, как мячик от кирпичной стены. Какой смысл что-либо делать? К чему все это приведет? В конце концов все умирают; рано или поздно всему приходит конец – не важно когда. Она знала, что некоторые люди – вроде тети Иды – могли держаться и проводить время, разговаривая и улыбаясь, чтобы скрыть свою внутреннюю печаль. Но слова и улыбки теперь принадлежали к другому миру. К миру, в который – Марта знала – она больше никогда не сможет вернуться.

Поэтому, когда Марта заметила, что простыня, которую тетя Ида положила в корзину, надулась от ветра, как полотняный воздушный шар, и улетела в воздух, она не открыла окно, чтобы крикнуть тете Иде, что белье убегает от нее по ветру.

Тетя Ида заметила взбунтовавшуюся белую простыню только тогда, когда сняла с веревки последнюю пару кальсон и повернулась к корзине.

Она сунула кальсоны в корзину и погналась за белой простыней, которая устремилась в воздух и затем, опав вниз, покатилась по траве по направлению к лесу.

Марта увидела, что остальное белье тоже начало вылетать из корзины, потому что ветер стал еще сильнее. И очень скоро уже все белье, подхваченное ветром, устремилось по воздуху к лесу, перелетая через голову тети Иды или проносясь мимо нее по траве.

Куртки, кальсоны, свитера, кофты, шерстяные носки, трусы – все летело, то обрушиваясь на землю, то стремительно взмывая в воздух, словно птицы с раненым крылом...

Тетя Ида умудрилась поймать несколько носков, куртку и свитер; затем она увидела простыню, зацепившуюся за траву всего в паре шагов от леса. Она побежала к ней, левой рукой прижимая к груди то белье, которое удалось спасти. Подбежав к простыне, она протянула к ней свободную руку – руку, когда-то кидавшую копьё, – но в ту секунду, когда она уже была готова схватиться за белую ткань, простыня, повинаясь ветру, снова рванулась прочь от нее.

Тетя Ида пробежала еще несколько шагов вперед, неуклюже сжимая охапку сухого белья, но затем, когда простыня исчезла во тьме леса, внезапно остановилась.

Марта смотрела, как ее тетя стояла лицом к деревьям.

Тетя Ида то ли не могла, то ли не хотела шагнуть вперед и достать простыню, которая белела прямо за огромными стволами перед ее лицом. И только тогда, в тот момент, вспомнив о смертельном ужасе, который, судя по всему, внушал ее тете лес, десятилетняя девочка у окна начала интересоваться тем, что она видит. Когда ее тетя направилась обратно к пустой корзине и бельевым веревкам, глаза Марты остались прикованными к деревьям.

Они казались прекрасными.

Прекрасными и странным образом манящими. Стоя на своем месте, у окна, она была зачарована ими. Они казались такими непохожими на бессмысленные улыбки и бессмысленные слова, которые окружали ее с тех пор, как погибли родители.

Что-то таившееся в этой тьме между деревьями, казалось, обращалось прямо к ней и манило ее внутрь – манило так же непреодолимо, как манит бассейн с прохладной водой в жаркий летний день.

В те минуты, когда Марта смотрела в окно, Сэмюэль находился этажом выше нее и открывал книгу «Существа Тенистого леса». Перевернув первую страницу, он начал читать:

Это место, путь куда заказан любому живому существу. Здесь зло имеет множество обличей, а существа из легенд и мифов живут и дышат. И убивают. Это место за пределами снов и кошмаров – место, которое внушает такой страх, что до сих пор у него не было имени. Но теперь, в этой книге, я объясню необъяснимое и дам страху имя, которого он заслуживает. Это имя – Тенистый лес, и оно поселит ужас в ваших сердцах.

Сэмюэль слотнул и почувствовал, что его ладони намокли от пота. Затем он перешел к следующей странице и начал читать о существах из своих кошмаров.

ХЮЛЬДРЫ

Хюльдры – существа размером с человека, которые проводят большую часть жизни под землей. Имеют сутулое и очень худощавое тело, длинный хвост и когти вместо ногтей. У них приплюснутые вздернутые носы и широко расставленные глаза. Они никогда не мигают и не плачут. Они выходят из-под земли только с наступлением темноты – чтобы охотиться на калуш, ловить существ, которые пытаются совершить побег, и конвоировать осужденных узников к лесной поляне, где живет Мастер перемен. Мастер перемен – грозный правитель Тенистого леса, любимый и почитаемый хюльдрами.

Годы жизни под землей оказали чрезвычайно негативное воздействие на хюльдр, вызвав у них сильнейшую зависть и ненависть по отношению к существам, свободно живущим в лесу. Их природная жестокость была одной из причин, по которой Мастер перемен выбрал их в качестве тюремных стражей.

Большинство лесных созданий говорят на хекроне, универсальном языке, который понятен всем – даже людям. Хюльдры в данном случае являются исключением. Они ненавидят, когда их понимают, почти так же сильно, как ненавидят солнечный свет. Поэтому они изобрели собственный язык под названием ококкбждкзокк – язык, почти такой же жестокий и злоедей по звучанию, как и сами хюльдры.

Слабость: Их плоть испаряется, когда на нее попадает солнечный свет.

Сэмюэль перевернул страницу и, торопясь, стал читать про другой вид существ: троллей.

ТРОЛЛИ

Тролли – самые ужасные создания во всем Тенистом лесу. Это твари, встречи с которыми людям следует бояться более всего, поскольку они предельно жестоки. Они не только крадут у людей коз, но также убивают всех людей, которых могут поймать. Они выходят наружу с наступлением темноты и могут учуять человеческую кровь на огромных расстояниях. Запах крови притягивает их, как пчел – запах пыльцы.

Тролли, как правило, очень сильны. Используя свою огромную физическую силу, они тащат людей к своим домам, где живьем варят их в гигантских котлах. На ногах у троллей по три пальца. Все тролли без исключения отвратительны, но степень их отвратительности может варьироваться. Известны двухголовые тролли, безголовые тролли, одноглазые тролли и четырехрукие тролли.

Несмотря на различия во внешнем виде, все разновидности троллей одинаково опасны. Их следует избегать любыми силами.

Слабости: У троллей нет никаких слабостей. Они – абсолютное зло.

К тому времени, когда Сэмюэль дочитал последнее слово, он дрожал от ужаса. Он полистал страницы, бегло просматривая названия других существ. Спуну, правдивые пикси, томте и другие... Он решил оставить книгу у себя и с этой целью засунул ее под ремень джинсов и прикрыл свитером. Затем он снова накрыл скатертью чайную коробку. И зашагал по скрипящим половицам к лестничной площадке рядом с отверстием в полу.

«Мне лучше уйти», – подумал он. Он понимал, что тетя, наверное, уже закончила снимать белье с веревок.

Уже поставив ногу на первую ступеньку, он вдруг заметил нечто похожее на копье в углу чердака.

«Старое копье тети Иды».

Но времени осматривать его уже не было. Внизу слышались шаги тети Иды, поэтому он торопливо слез по лестнице и вернулся обратно в спальню с книжкой профессора Тэнглвуда, спрятанной под свитером.

– Марта, там ко...

Фраза Сэмюэля осталась незаконченной и повисла в воздухе, когда он оглядел спальню в поисках сестры. О, нет.

Марты нигде не было видно.

Марта пропадает без вести

– Марта?.. Марта?

Куда она подевалась?

Сэмюэль сбежал вниз и посмотрел в гостиной, но из присутствующих там был только Ибсен, который спал в плетеной лежанке, подергивая всеми четырьмя конечностями в сладком сыром забытии.

Марты не оказалось ни в холле, ни на кухне. Может быть, она была в ванной, помогала тете Иде разбирать высохшее белье? Эта мысль погнала Сэмюэля через всю кухню к желтой двери с разболтанной ручкой. Он открыл ее и шагнул в маленькую комнатку, которая когда-то использовалась как крошечный сырный завод. Тетя Ида что-то ворчала себе под нос на норвежском, пытаясь разложить носки по парам на стиральной машине. Закончив со стиркой, она собиралась позвонить Оскару и спросить, можно ли им остановиться у него на какое-то время, пока она не найдет дом, где они смогут жить. Эти мысли занимали ее настолько, что она не заметила, как Сэмюэль подошел и встал на каменном полу рядом с ней.

– Где Марта?

Этот вопрос заставил тетю Иду подпрыгнуть на месте. Она отвернулась от кучи белья, вытащенного из машинки.

– Святые небеса, Сэмюэль. Ты чуть не довел меня до инфаркта. – Потом она осознала его вопрос и нахмурилась. – Марта наверху. В спальне. С тобой. И, кстати, я приняла решение. Сегодня мы переезжаем...

– Нет, – прервал ее Сэмюэль. – Она не там. Марта. Ее нет в спальне.

Тетя Ида повернулась к Сэмюэлю, и, когда она посмотрела ему прямо в глаза, ее охватил внезапный ужас.

– Когда ты в последний раз фидел ее? – спросила она его.

– Десять минут назад, – ответил Сэмюэль. – Я ходил на... – Он едва успел остановиться и не ляпнуть «на чердак».

Тетя Ида оглядела маленькую ванную без окон. Хотя прошло уже много лет, здесь до сих пор пахло сыром.

– Я была здесь, внутри, последние пять минут, – сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Сэмюэлю. И затем, с внезапным волнением в голосе, воскликнула: – Выгляни в окно!

Сэмюэль вышел обратно в желтую дверь и выглянул из кухонного окна. «Существа Тенистого леса» по-прежнему были под его свитером. Он не увидел ничего, кроме пустых полей, фьорда и гор вдаль.

– Нет! – вскрикнула тетя Ида, подойдя к нему. – В заднее окно гостиной!

Они побежали в гостиную, но возле входной двери тетя Ида вдруг остановилась.

– Ее туфли, – сказала она. – Ее туфли исчезли.

Сэмюэль посмотрел в окно, которое располагалось над лежанкой Ибсена. (Ибсен, проснувшись от внезапной суматохи, теперь сонно зевал.)

Сэмюэль напряг зрение, но не увидел ничего, кроме пустой бельевой веревки и травянистого склона, тянувшегося к...

И тут он увидел кое-что еще. Маленькую точку вдаль. И когда его взгляд сфокусировался, он разглядел, что эта точка была человеком, идущим прямо по направлению в лесу.

– Нет! – закричал Сэмюэль, когда узнал темно-синее платье сестры, развевающееся на ветру.

Он вылетел из комнаты и понесся по половицам холла, пролетев мимо тети и выскочив в дверь. Оказавшись снаружи, он бросился бежать вверх по холму по направлению к Марте и лесу. Во время бега он вытащил книгу из-под свитера и теперь крепко сжимал ее в правой

руке. Он подумал о том, чтобы бросить ее, но решил, что, если Марта успеет зайти в лес, книга ему еще пригодится.

– Марта! Марта! Остановись!

По мере того как он приближался к Марте, он почти не обращал внимания на хлеставший его ветер и мокрую грязную траву, набивавшуюся ему в носки.

– Марта! – звала тетя Ида. И затем: – Сэмюэль! Сэмюэль!

Однако Сэмюэль едва слышал тетин голос. Как будто тот Сэмюэль, которого она звала, был кем-то другим, бегущим рядом с ним.

– Мартааааа! – прокричал он. Единственная вещь, на которую он сейчас смотрел, была темно-синяя точка, которая с каждым его шагом по траве все больше приобретала знакомые очертания сестры. Он не заметил даже того, как пробежал по грязным отпечаткам копыт, оставленным жеребцами хюльдр прошлой ночью.

– Не заходи в лес! – прокричал Сэмюэль во всю силу своих легких. Теперь он уже мог разглядеть длинные волосы Марты, которые ветер сдувал вперед, так что они протягивались по направлению к лесу совсем как ветви деревьев перед ее лицом. – Марта! Остановись! Чудовища! Хюльдры! Тролли! В лесу!

Но Марта продолжала идти. Она все еще была далеко от него, и Сэмюэль знал, что он не успеет ее догнать.

– Марта! Нет! Вернись!

Марта не обернулась и никак не показала, что услышала брата. Она просто продолжала шагать вперед – не ускорив шаг, но и не замедлив, – пока не подошла вплотную к деревьям.

Но и тогда она продолжала идти, все дальше и дальше, пока не исчезла в темноте леса.

Вверх по холму

Она исчезла.

Сэмюэль продолжал нестись к прогалине между деревьями, где сестра была видна всего секунду назад, и пытался взглянуть дальше в темноту.

– Марта! Вернись! Марта!

Он бежал очень быстро. Быстрее, чем бежал к лесу в прошлый раз, когда гнался за кошкой. И тете Иде было очень сложно поспеть за ним.

Да, у него было преимущество на старте. Он вылетел, даже не надев ботинки, в переднюю дверь, когда тетя Ида все еще продолжала смотреть в окно. Но, кроме того, Сэмюэль несся на такой скорости и с такой целеустремленностью, что тетя Ида на своих старых ногах никак не могла сократить дистанцию между ними.

– Не ходи за ней! – молила она, задыхаясь и пытаясь догнать его. – Не ходи в лес!

Но, конечно, ее слова были бесполезны. Страх леса никогда не был так же силен в душе Сэмюэля, как страх потерять сестру.

И даже несмотря на то, что она рассказала Сэмюэлю историю о том, что случилось с дядей Хенриком, она понимала: он, наверное, думает, что уж ему-то удастся войти в лес и привести обратно свою сестру. Ведь Марта прошла между деревьями всего пару секунд назад. Она не могла уйти слишком далеко, и поэтому у Сэмюэля были все основания верить, что он сможет ее найти.

Но тете Иде было известно больше. Она знала, что в лесу не действуют обычные законы пространства и времени. Она знала, что из леса не возвращается никто – никто и ничто. И не имело значения, была ли это белая хлопковая простыня или ее муж из плоти и крови – лес никогда не отпускал то, что попадалось ему в лапы.

И поэтому, когда она увидела, как Марта исчезает в темноте между деревьями, тетя Ида знала, что она ее потеряла. Единственное, на что она еще надеялась, взбегая вверх по травянистому склону, – это догнать Сэмюэля прежде, чем он тоже исчезнет навсегда.

«Чертовы старые ноги», – пронеслось у нее в голове, и она наклонилась, чтобы прибавить скорость.

– Сэмюэль! Не ходи дальше! Сэмюэль!

Но мальчик по-прежнему ее не слушал. Он несся вперед с неисчерпаемой энергией, отчаянно надеясь хотя бы мельком увидеть длинные волосы сестры или ее темно-синее платье.

Он был уже почти на опушке.

– Сэмюэль! Сэмюэль! Остановись! – Этот крик отнял у тети Иды остатки дыхания и, казалось, сделал склон еще более скользким.

Но вдруг, как раз в тот миг, когда она подумала, что уже все кончено, она кое-что услышала. Шум. Позади нее. И в тот же миг она осознала, что это было бречание ошейника Ибсена.

И в самом деле: пес был тут, летел по траве по направлению к Сэмюэлю. Это было невероятное зрелище. Пес, который всегда боялся даже повернуться носом в сторону леса, теперь сломя голову несся к нему на сумасшедшей скорости. Казалось, внутри него проснулись какие-то неведомые силы. Ибсен, которого в последнее время не увлекало почти ничего, кроме выпрашивания сыра и похрапывания в своей лежанке, стремительно летел по травянистому склону, словно гепард, преследующий газель.

Надо заметить, что Сэмюэль не подозревал о своем четвероногом преследователе. Сейчас для него все, находившееся позади, могло бы с таким же успехом просто прекратить свое существование. Единственное, что имело значение, – это добежать до леса, а потом отыскать сестру.

Он уже почти был там. Уже мог разглядеть стволы других сосен, скрывающиеся дальше во тьме.

Однако ровно в ту секунду, когда он уже был готов очертить голову нырнуть в лесную тьму, он почувствовал, как что-то держит его за руку.

Сперва он подумал, что это была рука тети Иды.

– Отпустите меня! – Но потом он заметил, что у этой руки были зубы – зубы, которые совсем не хотели отпускать его рукав.

Ибсен, подпрыгнувший в воздух, чтобы схватить Сэмюэля за рукав, теперь уперся всеми четырьмя лапами в землю с твердым намерением не позволить мальчику убежать в лес.

Хотя пес весил гораздо меньше, чем двенадцатилетний мальчик, которого он пытался удержать, на его стороне было земное притяжение и две дополнительных ноги.

– Отцепись, ты, тупая собака!

Но Ибсен, кажется, понял его слова как раз наоборот, потому что еще сильнее вцепился ему в рукав. Сэмюэль поднял руку, заставив пса встать на задние ноги. Однако, несмотря на такое грубое обращение, непреклонный элкхаунд не отпустил мальчика. Он вполне мог бы усилить хватку, вцепившись зубами в руку Сэмюэля, а не только в его рукав, но благородно не стал использовать эту возможность.

– Отцепись! Отцепись! Отцепись! – умолял Сэмюэль, вглядываясь в бесконечную тьму леса.

Сэмюэль продолжал трясти рукой и даже замахнулся на Ибсена книгой. А потом он обернулся и увидел тетю Иду, бежавшую вверх по склону в его сторону.

– Нет! – вскричал Сэмюэль, выпустив вместе с криком облачко пара в холодный норвежский воздух.

И в этот момент – как раз за мгновение до того, как рука тети Иды смогла бы до него дотянуться – свитер Сэмюэля порвался, оставив Ибсена стоять с вырванным клоком ткани во рту.

Осознав, что он свободен от собачьей хватки, Сэмюэль рванул прямиком в лес. И, вбегая во тьму, он уже не обращал внимания ни на предупреждающий лай Ибсена, ни на крик своей тети. Крик такой страшный, что он прозвучал как крик женщины, дающей жизнь ребенку.

Или оплакивающей смерть.

Ловушка с перьями

Марта шла по прямой – насколько это было возможно, учитывая количество сосен, попадавшихся на ее пути.

Она не знала, куда она направлялась.

В голове у нее не было никакого плана – разве что плана как можно дальше углубиться в темноту леса. Поэтому она просто продолжала идти сквозь какие-то зеленеющие растения, задевавшие ее коленки, по направлению к маленькой земляной тропинке, обрамленной с обеих сторон небольшими кустиками с ягодами.

А потом она что-то услышала.

Что-то похожее на птичье квохтанье.

Звук был отвратительным, и он приближался к ней.

Сквок! Сквок! Сквок!

И вот что она увидела.

Три гигантские птицы ростом выше нее, быстро бегущие на тонких ногах. У птиц было серое оперение и длинные шеи, похожие на лебединые. На их головах, которые были темнее, чем остальное тело, виднелись белые полосы на лбу и очень длинные (и очень громкие) клекочущие клювы.

Птицы продолжали бежать по направлению к ней, и Марта рассмотрела толстое тело и крошечные, неспособные к полету крылышки передней птицы. Она поискала взглядом тела других двух птиц, но не обнаружила их.

И тут она поняла.

Это были вовсе не три птицы.

Это была одна птица с тремя головами на трех отдельных шеях. Калуши были одними из тех многочисленных лесных существ, которые описал профессор Тэнглвуд в своей книге «Существа Тенистого леса». Но Марта ничего не знала об этой книге, поскольку ни ее брат, ни тетя Ида ничего ей об этом не рассказали. (Калуши, кстати, испытывают такой же ужас по отношению к Внешнему миру, как люди – по отношению к Тенистому лесу, и никогда не выходят на открытые пространства; вот почему вы, вероятно, никогда с ними не сталкивались.)

Марта уставилась на калушу, бегущую к ней. И тут вдруг птица застыла на месте. Все ее три клюва одновременно издали громкое кудахтанье, когда земля под ней внезапно разверзлась и птица рухнула в яму. После чего поверхность земли снова закрылась и приобрела свой прежний вид. Марта огляделась, раздумывая, есть ли тут еще замаскированные ямы в земле.

«Он, должно быть, уже близко и скоро меня найдет», – подумала она. И вдруг осознала, что это было бы не так уж плохо. Возможно, она слишком опрометчиво бросилась в лес. Возможно, ей следовало послушаться тетю Иду.

Она решила пойти навстречу брату, но не могла понять, где он находится. Его голос отражался от деревьев, и создавалось впечатление, что он был повсюду. Она прошла немного в одном направлении, потом еще немного в другом, осторожно оглядывая землю на предмет ям, но голос Сэмюэля по-прежнему был далеко от нее.

Она продолжала идти, потом перешла на бег и почувствовала, что теперь она приближалась к Сэмюэлю.

– Марта! Марта!

Да, теперь он точно был где-то поблизости.

Она ускорила бег.

Шаг за шагом, шаг за...

Ее нога провалилась в пустоту, и за ногой последовало все тело. Земля под ней разверзлась, и теперь она летела вниз в крошечную тьму. Над ямой низко свисала ветка ближайшего дерева, но она не успела вовремя за нее схватиться.

Марта закричала.

Это был первый звук, вырвавшийся из ее рта за последнюю неделю, и этот звук она издала только потому, что у нее не оставалось выбора. Потому, что именно это делают рты, когда обнаруживают, что падают в темную яму, где нет ничего, кроме абсолютной пустоты.

– Aaaaaaaaaaaaaax!

Марта приземлилась на что-то мягкое и похожее на перья. Вообще-то, оно было так похоже на перья, что ей пришлось прийти к заключению, что это и есть перья. Она взглянула вверх, на небольшое пятно света. Замаскированный люк.

Она перекатилась на бок и попыталась встать, но у нее получилось только подняться на четвереньки. Она перебралась через кучу перьев, и глаза ее начали понемногу привыкать к темноте. Протянув руку в сторону, она нащупала земляную стену гигантской ямы.

Яма освещалась неярким желтоватым светом, который потихоньку становился ярче. Скоро она смогла рассмотреть перья – они были серыми, как и те, что покрывали ту трехголовую птицу, которая свалилась в другую ловушку.

Она огляделась вокруг и увидела источник света. Подземное окно с металлической рамой. Подобравшись поближе к окну, она услышала голоса и увидела промелькнувшее пламя факела. Голоса и факел двигались в ее направлении, спускаясь по чему-то вроде коридора.

«Может быть, они придут выпустить меня», – подумала она.

Однако она понимала, что это не так. Люди не расставляют ловушки с целью выпустить тех, кто туда попался.

Марта знала: кто бы (или что бы) к ней ни приближался, целью его была вовсе не дружба. Поэтому она легла и закопалась поглубже в перья, надеясь остаться незамеченной.

Крик

– Марта! Марта! Мааартаааааа!

Сэмюэль продолжал выкрикивать имя сестры, но в ответ он слышал только эхо. Он огляделся вокруг, пытаясь высмотреть Марту среди деревьев, но не увидел никаких признаков ее присутствия.

Это было по меньшей мере странно. Ведь она просто не могла уйти очень далеко. Она вошла в лес всего пару минут назад.

Он продолжал бежать через пышную зелень, сжимая в руке книгу и стараясь не обращать внимания на боль в босых ногах, которыми он наткался на веточки и острые камни.

– Мааартаааааа!

Он снова остановился. Создавалось впечатление, что она просто-напросто растворилась в воздухе. Задрав голову, он посмотрел на верхушки высоких деревьев, как будто они были незнакомцами, которые могли бы ему помочь, но ответом ему была только тишина. Он снова засунул книгу под свитер и, повернувшись на триста шестьдесят градусов, огляделся вокруг.

Сэмюэль прищурился, вглядываясь в чередование темных и зеленых пятен, но так и не увидел Марту. Он не понимал даже, откуда он пришел. Сквозь просветы между деревьями он не мог разглядеть ни далекий фьорд, ни горы. Не было видно никаких признаков тети Иды.

Компас в его голове перестал работать как следует. Он уже не мог сказать, какой путь привел бы его обратно к мягкой траве и белому деревянному домику. Точно так же не понимал он, в каком направлении ему следует искать Марту.

Казалось, будто деревья каким-то образом двигаются вокруг него, словно облака, которые перемещаются в другое место, пока ты на них немотришь.

– Марта. Ну, пожалуйста, Марта.

Голос Сэмюэля теперь звучал тише. Он еще не успел испугаться по-настоящему, но уже потерял былую уверенность.

– Кто здесь? – произнес он, застыв на месте. Ему показалось, что позади него хрустнула веточка. – Марта? Это ты?

Но сестры нигде не было видно.

Он услышал треск ветки еще раз, и потом еще. И он определенно слышал шаги, приближающиеся к нему.

Сэмюэль ждал, размышляя, кто бы это мог быть.

– Эй? – сказал он.

Ответа не последовало, что заставило его подумать, что это, возможно, все-таки его сестра. Сэмюэля начало подташнивать от страха, пока он стоял на месте в мучительном ожидании.

– Марта?

Сэмюэль попытался сдвинуться с места, но страх приковал его к земле. Где-то в отдалении он услышал звук. Едва слышный крик, как будто кто-то упал. Была ли это Марта?

– Марта! – позвал он, двинувшись в том направлении. Но потом он услышал кое-что другое.

Лай.

Обернувшись, он увидел Ибсена.

Пес снова залаял.

– Иди обратно! – сказал ему Сэмюэль. – Иди обратно к тете Иде.

Ибсен, казалось, пытался пролаять то же самое, но ни один из них не слушал другого.

– Иди домой! – снова попробовал Сэмюэль.

Снова лай.

– Иди домой, тупая собака! Иди обратно домой!

Ибсен прекратил лаять, но с места не сдвинулся.

Сэмюэль снова двинулся в глубь леса. Ибсен пошел за ним.

– Делай что хочешь, – пробурчал Сэмюэль, не сбавляя шаг. – Но я не собираюсь возвращаться обратно, так что, если хочешь, можешь снова порвать мой свитер.

Пес, словно все поняв, понурил голову, и Сэмюэль продолжал выкрикивать имя сестры:

– Мартааа! Мартааа!

Он держал путь в сторону услышанного крика, и Ибсен следовал за ним по пятам.

Апчхи!

В то время как Сэмюэль с Ибсеном изо всех сил пытались найти ее, сама Марта изо всех сил пыталась спрятаться. Ей удалось с головой накрыться перьями, и теперь она затаилась на дне ямы, стараясь вести себя как можно тише.

И вот что она услышала:

Шаги, подходящие все ближе.

Бренчащий звук – ключи.

Приглушенные голоса.

Ключ, скользящий в замочную скважину.

Скрип открывшейся двери.

Голоса стали громче, но говорили они на языке, который Марта никогда не слышала прежде. Этот язык, с одной стороны, чем-то напоминал норвежский, но с другой – был совершенно на него не похож.

Первый голос: *Енна фрегг ода бленф?*

Второй голос: *Вен! Фрога ода клумпк!*

Первый голос: *Кюдер фрегг лоссвемпер.*

Второй голос: *Фрога ода бленф. Фрога ода калуш!*

Эти шепчущие голоса почти не были похожи на собственно голоса. Скорее они напоминали зловещий ветер, шуршащий листьями, с тем только отличием, что этот ветер приобретал очертания слов.

Марта не знала, что эти голоса принадлежат хюльдрам. Не знала она и того, что только что упала в одну из ловушек, которые хюльдры придумали для ловли калуш и случайных лесных странников. Но хоть Марта и не могла понять их язык, она безошибочно почувствовала, что ей грозит серьезная опасность. Ей не очень-то хотелось торчать в этой перьевой ловушке, но она понимала, что судьба, ожидавшая ее за дверью, может оказаться гораздо хуже.

Поэтому она решила притаиться и подождать, пока эти два существа уйдут.

Но решить притаиться и притаиться на самом деле – две очень разные вещи. Хотя Марта почти не издавала никаких звуков с тех пор, как погибли ее родители, она была очень близка к тому, чтобы выдать себя.

Видите ли, у перьев есть одна особенность: они щекочут вам нос. А у носов есть другая особенность: когда их щекочут, они проявляют склонность к чиханию.

Марта чувствовала, что вот-вот чихнет. Она уповала только на то, что это случится после того, как два существа захлопнут дверь и уйдут прочь.

– Фрога ода бленф, – проговорил первый голос, что приблизительно означало: «Я что-то слышал», хоть это и не очень точный перевод.

Он думал, что слышал одну из калуш, кудахчущую трехголовую птицу, от которых хюльдры получали мясо и перья, а также развлекались наблюдением за их драками.

– Нип. Кейдер фрегг лоссвемпер, – произнес другой хюльдр немного менее зловещим голосом, чем первый страж. Он был уверен, что в перьях не было ни калуши, ни чего-либо еще.

Они как раз собирались захлопнуть дверь, когда услышали:

– А-а-а-а-апчхии!

И одновременно с Мартиным чихом перья, закрывавшие ее лицо, взметнулись высоко в воздух, открыв ее взглядам двух хюльдр.

Марта видела их в первый раз в жизни. Их слишком широко расставленные глаза, их когти, их костлявые тела, их серая кожа и их коровьи хвосты мелькнули перед глазами чело-

веческой девочки, окруженной перьями калуш. Это были те самые хюльдры, которых Сэмюэль и тетя Ида видели прошлой ночью, когда они преследовали поющее существо и тащили его обратно в лес. На них была одежда, сшитая из кожи калуш, а к ремням на поясе было пристегнуто оружие. Меч, небольшой метательный топор, кинжалы и еще что-то, названия чему Марта не знала.

– Иг киппенк, – произнес менее зловещий хюльдр, в чьих широко расставленных глазах скрывалась глубокая печаль.

Его звали Грентул, но это не было то имя, которое дала ему мама. Это было имя, которое он дал себе сам, давным-давно. Тогда, когда все вокруг стремительно менялось и хюльдр принудили жить под землей.

– Иг киппук, – сказал другой хюльдр, который был таким тощим, что его ребра, казалось, вот-вот прорвут кожу на груди.

Он перегнулся к Марте через заваленную перьями яму, наклонив голову, совсем как кошка, которая вот-вот бросится на мышь. Его звали Вжпп – имя, которое человеческий язык произнести не способен.

Марта не знала, о чем они говорят, но по их жестам она догадалась, что они спорят, как ее оттуда вытащить. Сначала Вжпп растянул губы в злобную ухмылку и поманил ее своим когтистым пальцем.

Излишне говорить, что Марта не подчинилась этому жесту и осталась на том же месте, где была.

Два существа поспорили еще некоторое время, и Марта увидела, как Вжпп указывает на пылающий факел, который держал Грентул. В ответ на это второй хюльдр с неохотой кивнул и протянул факел.

– Фугаппук кю брекк! – прокричал Вжпп.

Следующее, что увидела Марта, – это горящий факел, пролетевший по воздуху над ее головой. Повернувшись, она увидела, как он с треском приземлился, разбрасывая в темноту вокруг себя танцующие искры.

Перья молниеносно вспыхнули, и огонь заревел и начал стремительно подбираться к ней.

– Фугаппук!

Вжпп возбужденно грохотал связкой ключей. Это была самая жестокая и самая восхитительная вещь, которую ему посчастливилось сделать за весь сегодняшний день.

– Фугаппук! Фугаппук!

Марта почувствовала, как жар лизнул ее щеку, когда пламя подобралось ближе, и поняла, что у нее нет выбора.

Ей нужно было выбираться из перьев, если она не хотела разделить их участь.

Поэтому она села и, задыхаясь от дыма, на четвереньках поползла прочь от огня.

Когтистые руки хюльдр как раз вовремя вытянули ее наружу и затем захлопнули толстую тяжелую дверь, оставив огонь догорать внутри. Ее потащили вниз в темный коридор, но она была слишком поглощена кашлем, чтобы заметить существ, сидящих за решетками на другой стороне коридора, и их лица, фантастические и причудливые в мерцающем свете факела.

Тюремные песни

Марту швырнули в камеру в конце коридора. Вместо стен там были металлические решетки. И ничего больше.

Ни кровати. Ни туалета. Ни окна.

Ни надежды на освобождение.

– Об кенк, – сказал Вжпп, смеясь, отчего его ребра дрожали под туго натянутой кожей.

Грентул посмотрел на Марту своими печальными, широко расставленными глазами, словно хотел сказать что-то. Попросить прощения? Что-то объяснить? Но что бы это ни было, она все равно не поняла бы его, поэтому он ушел прочь. Вжпп задержался еще на мгновение, чтобы через решетку плюнуть синей слюной в Марту. Затем он тоже повернулся и зашагал вниз по коридору.

Когда жестокий смех Вжппа затих и его подрагивающий хвост пропал в темноте, Марта осмотрела обитателей других камер.

В камере напротив стояла и смотрела на нее старая женщина с длинными белоснежными волосами, спадающими до самых щиколоток, одетая в белую тунику и шаль.

Дальше по коридору она увидела существо устрашающего вида с двумя головами и четырьмя глазными яблоками, вглядывавшимися в нее сквозь металлические прутья. На обеих головах были косматые черные волосы и бороды, но правая голова казалась гораздо более сердитой, чем левая. Она никогда не читала о троллях в «Существах Тенистого леса», но одного вида этого существа оказалось достаточно, чтобы она пришла в ужас.

Потом она услышала шум, доносящийся из соседней камеры. Этот шум был пением – и, надо сказать, пением довольно-таки фальшивым.

*Когда тебе грустно, когда все не так,
Когда в твоём сердце лишь холод и мрак,
Не стоит сдаваться, гляди веселей.
Спой песенку, томте, и станет светлей.*

Она вгляделась повнимательнее в того, кто был способен так беззаботно петь, будучи запертым в подземной тюрьме.

Тот, кого она увидела, был томте (хотя тогда она этого еще не знала), а именно – тот самый томте, которого на глазах Сэмюэля и тети Иды поймали хюльдры (хотя этого Марта тоже не знала). По форме он напоминал бочонок: тело у него было шарообразное, а шея и вовсе отсутствовала – по крайней мере, шея, хоть сколько-нибудь заметная глазу. У него была золотистая кожа, невероятно косматые брови и приплюснутый нос. Под носом красовались длиннейшие светлые усы, которые, словно лучики солнца, щетинились по сторонам от его лица.

Его одежда также была весьма необыкновенной. Туника, сшитая из разноцветных лоскутков – ярко-зеленых, ярко-желтых и блестящих красных. Туника была короткой и прикрывала его тело только до пояса. Нижняя половина тела была украшена лиловыми штанами. Надо сказать, что его штанам – о чем другие заключенные могли бы сообщить Марте – была посвящена одна из написанных томте песен под названием «Песнь о лиловых штанах». Это песня была очень длинной, она состояла из двадцати двух куплетов и трех разных припевов, и томте считал ее своим шедевром.

Его одеяние смотрелось довольно нелепо в темной и грязной подземной тюрьме, но еще более нелепо смотрелась его широкая улыбка – ведь находился он в условиях, в которых ему следовало бы быть очень и очень грустным.

На мгновение наступила тишина, которая, судя по всему, принесла большое облегчение троллю с двумя головами, а потом томте затянул следующую песню.

*Свободную душу не спрячешь в тюрьме,
Где бы я ни был, счастье – во мне.
Пусть здесь нет солнца, нет облаков —
Мое сердце свободно от тяжких оков.*

От звуков этой песни двухголовый тролль схватился за обе свои головы:
– Томте, пожалуйста, прекрати, я умоляю тебя, – попросил он своей сердитой головой, которая находилась справа.

*Если лишь смерть и печаль впереди,
Не думай про завтра: пусть сердце в груди
Наполнится музыкой, светом и счастьем.
Пой, пока жив, и забудь про ненастье.*

Пение томте, сопровождавшееся стонами тролля по поводу его двойной головной боли, продолжалось довольно долго.

Марта тем временем уселась в дальнем углу камеры, вытянув перед собой ноги. Оглядевшись, она посмотрела на остальных заключенных и задумалась: что бы они сделали с ней, если бы их не разделяли решетки? Убили бы ее? Она взглянула на седоволосую женщину в камере напротив, которая смотрела на нее добрым взглядом. Можно ли доверять этой доброте?

Она не знала.

Все, что она знала, – это то, что она пачкала свое синее платье, сидя на земле. Платье, которое родители подарили ей на день рождения. Но здесь не было никого, кто мог бы отругать ее за это.

Клубы дыма

Продолжая идти в направлении крика, Сэмюэль вдруг заметил кое-что еще.

Дым.

Он поднимался от земли в некотором отдалении от него и Ибсена. Они пробрались сквозь папоротники поближе, продолжая поглядывать вокруг в поисках человеческого силуэта.

– Марта? Марта? Ты там?

Но если Марта там и была, то она определенно не подавала никаких признаков своего присутствия.

А потом случилось нечто странное.

Дым, который вплоть до этого момента был густым и тяжелым, внезапно бесследно исчез. Сэмюэль поспешил туда, чтобы посмотреть, как огонь мог так быстро погаснуть, но Ибсен не сдвинулся с места и зарычал.

– В чем дело, мохнатый идиот? – осведомился Сэмюэль.

Увидев, что Сэмюэль не намерен прислушиваться к его ворчливому предупреждению об опасности, Ибсен подошел на пару шагов ближе. Он продолжал ворчать и даже залаял, когда Сэмюэль приблизился к тому месту, откуда шел дым.

– Ибсен, заткнись! Я пытаюсь услышать...

Сэмюэль провалился в ту же ловушку, что и Марта, и полетел в пустоту. Дым вовсе не исчез. Он просто был скрыт за закрытым люком ловушки. Теперь дым окружал его со всех сторон, и он чувствовал ужасный жар, поднимающийся от пылающего внизу пламени.

Поскольку перед падением Сэмюэль повернулся, чтобы обругать Ибсена, он в последний момент успел ухватиться руками за край ямы. Теперь он отчаянно вонзал в почву пальцы, пытаясь ухватиться за нее покрепче.

Посмотрев вверх, Сэмюэль увидел ветку дерева, низко свисавшую над ямой. Ветка была вне его досягаемости.

– Помоги!

Он посмотрел вниз. Клубы черного дыма ударили ему в лицо, и он отшатнулся прочь от адского жара. Пылающий внизу огонь почти доставал до его босых ног, а искры, взлетая вверх, опускались ему на ступни.

– Ибсен! – задыхаясь, прокричал он. – Ибсен! Помоги!

Сэмюэль ухитрился подтянуться на руках настолько, чтобы увидеть, как Ибсен уходит прочь от ямы.

– Ибсен! – прохрипел он, чувствуя, что его пальцы вот-вот разожмутся. – Вернись!

Конечно, он и сам не знал, какой помощи можно ждать от Ибсена. В конце концов, тот был всего лишь собакой. Но когда вы обнаруживаете, что, ухватившись за край ямы, висите над пылающим огнем, который уже поджаривает ваши пятки, вы начинаете цепляться за любую, самую ничтожную надежду.

– Ибсен... Ибсен, вернись. Помоги! Вернись, трус!

Но Ибсен, хоть и был изрядно напуган, трусом вовсе не был. Он отходил прочь от Сэмюэля только для того, чтобы взять разбег. Отойдя на несколько шагов назад, он разбежался по направлению к яме и, перепрыгнув через клубы дыма, приземлился на другой стороне. Это был поистине замечательный подвиг, в особенности потому, что размеры ямы значительно превышали размеры его тела.

Благополучно приземлившись, он покрепче обосновался на земле и снова подпрыгнул, сначала оттолкнувшись передними лапами и затем подбросив себя вверх задними. Секундой позже в его зубах уже была нижняя ветка, которую он начал нагибать к яме, полной душающего дыма.

– Помоги! Помоги!

Земля крошилась под пальцами Сэмюэля. Он был уже готов разжать пальцы и упасть в адское пламя, пылавшее внизу.

Но тут он почувствовал, как что-то толкает его в плечо. Повернув голову, он увидел ветку, которая всего пару мгновений назад, словно издеваясь, маячила высоко над его головой.

Он не понимал, как ветка могла оказаться здесь, но был несказанно рад увидеть ее. Однако ему следовало поторопиться. Земля, осыпавшаяся под его левой рукой, недвусмысленно предупреждала о том, что он должен как можно скорее что-то предпринять.

Сэмюэль уцепился за ветку правой рукой. Движение вышло неуклюжим, потому что клубы едкого дыма застилали ему глаза. Но он сделал это. Когда он схватился за ветку обеими руками, она подпрыгнула и отбросила Сэмюэля на другую сторону ямы. Длины ветки как раз хватило на то, чтобы Сэмюэль смог выбраться наружу и отползти от дыма.

Согнувшись пополам, он заходил в кашле в течение добрых пяти минут. Затем он взглянул на Ибсена и понял, что тот прыгнул через яму, чтобы спасти его.

– Спасибо, – сказал Сэмюэль, проверяя, не выпала ли книга из-под его свитера. – И я... э-э... прости. За то, что называл тебя тупым. И я не считаю тебя мохнатым идиотом.

Ибсен ответил ему, коротко вильнув хвостом. «Извинения приняты», – казалось, говорил он.

И вдруг Сэмюэля поразила ужасная мысль. Что, если Марта тоже упала в яму? Что, если она сгорела заживо? Но рядом не было никого, кто мог бы ответить на эти вопросы.

– Марта, где ты? – пробормотал Сэмюэль, оглядывая деревья в надежде увидеть хоть что-нибудь, что могло дать ему подсказку.

А потом он кое-что увидел. Серое пятно, выделяющееся среди высоких коричневых стволов.

Дом.

Сэмюэль похолодел от страха. Однако он понимал: есть шанс, что тот, кто живет там, сможет помочь ему найти сестру. Шанс был ничтожен, но не более ничтожен, чем шанс спастись от огня. Поэтому Сэмюэль двинулся по направлению к дому, а Ибсен осторожно ступал рядом с ним, проверяя землю на предмет ловушек.

Деревня

Когда они подошли ближе, сердце Сэмюэля заколотилось. Он осознал, что небольшой дом был не один. Там был и другой, чуть подальше. И еще, и еще...

– Это деревня, – сказал Сэмюэль Ибсену, хотя было не совсем ясно, как Ибсен должен был отреагировать на это сообщение.

Деревня состояла из двенадцати маленьких домиков с каменными стенами и деревянными дверями и крышами. Все окна, как и сами дома, были круглыми. И все вместе домики, в свою очередь, образовывали идеальный круг.

В центре этого круга стояло три пенька, срезы которых были украшены узорами. Каждый узор изображал солнце с лучами, окружавшими его наподобие гривы. Точно такие же картинки были вырезаны на дверях всех домиков.

Сэмюэль подошел к одной из дверей и постучался, ударяя рукой в центр деревянного солнца.

– Здравствуйте? Тут кто-нибудь есть?

Нет ответа.

– Эй? Извините, кто-нибудь есть дома?

Он подошел к незастекленному окну и задал тот же вопрос. Засунув внутрь голову, он получил на него ответ. Дома никого не было.

На самом деле создавалось впечатление, что здесь никого не было уже очень давно, потому что все внутри было покрыто толстым слоем пыли и затянуто паутиной.

В следующем доме он увидел такую же картину. И в следующем тоже. Когда они с Ибсеном подошли к четвертому дому в круге, Сэмюэль решил попробовать открыть дверь.

Она со скрипом распахнулась, порвав сетку паутины, растянутой на верхнем углу двери. Ибсен пролаял свое взволнованное предостережение.

– Оставайся там, если ты такой заяц-трусишка, – сказал Сэмюэль. – То есть собака-трусишка.

Но Сэмюэлю и самому было по-настоящему страшно. Если бы не необходимость найти сестру или хотя бы что-то, что могло бы ему помочь, он бы уже, без сомнения, со всех ног бежал в обратном направлении.

Но что же он надеялся здесь найти?

Карту леса? Какое-нибудь существо, оставшееся жить среди паутины и пыли, которое указало бы ему путь?

Взглянув направо, он увидел маленькую кухню с дровяной печью. Внутри лежали дрова, так и не дождавшиеся того, кто бы их сжег.

«Вот странно, – подумал Сэмюэль. – Зачем класть в печку свежие дрова, если все равно не собираешься их использовать?»

Сэмюэль медленно прошел в столовую, где стоял круглый деревянный стол с вырезанным на нем изображением все того же солнца. Вокруг этого изображения были расставлены четыре деревянные миски с четырьмя деревянными ложками. Приборы для еды, которую никто так и не съел.

– Ой!

Он ударился обо что-то большим пальцем ноги.

Обо что-то твердое, но легкое, со стуком покотившееся по полу.

Он посмотрел вниз, и то, что он увидел, заставило его задохнуться от ужаса.

Это был череп.

Череп, который от удара ноги Сэмюэля только что отделился от остального скелета.

Уже второй раз за сегодня он пожалел, что не послушал Ибсена.

Он разрывался между двумя Сэмюэлями, спорящими в его голове. Там был Сэмюэль, который мечтал со всех ног убежать прочь, и Сэмюэль, который хотел остаться и все осмотреть. И именно второй Сэмюэль выиграл этот короткий спор, внимательно приглядевшись к скелету на полу.

Череп не был человеческим.

Глазницы были слишком широко расставлены и находились примерно посередине между переносицей и боковыми частями черепа. Сэмюэль вспомнил существ из своих кошмаров – хюльдр, которых они видели с тетей Идой, – и подумал об их странных глазах.

«Нет, – пронеслось у него в голове. – Это не может быть хюльдр. Они живут под землей».

Он заставил себя осмотреть остальной скелет и попытался сравнить его с теми изображениями человеческих скелетов, которые он видел в научных книгах. Разница была очевидна. Слишком много ребер. Более длинные ноги и руки. Скелет хвоста. Это действительно был хюльдр.

«То, что убило это существо, может все еще находиться здесь и убить меня».

Дверь у него за спиной с треском захлопнулась от порыва ветра.

И тогда его оцепенение превратилось в панический страх.

От страха его затошнило.

Его сердце превратилось в безумный барабан, отбивающий ритм в три раза быстрее обычного.

Ибсен залаял.

На этот раз Сэмюэль послушался его и выбежал наружу.

– Бежим, – сказал он собаке. – Уходим отсюда.

И они оба побежали прочь из пустой деревни так, что только пятки засверкали. Но Сэмюэль еще долго не мог прогнать из головы увиденный череп и мысли о тайнах, которые скрывались где-то глубоко в зияющей пустоте тех широко расставленных глаз.

АВТОР ГРУБО ПРЕРЫВАЕТ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Итак, вам наверняка интересно, что именно делала в этот момент тетя Ида.

Возможно, конечно, что вас это совершенно не интересует. Вполне вероятно, что вы просто размышляете о том, что заставило хюльдр уйти жить под землю, или, может быть, вы думаете о Марте, сидящей в тюремной камере. Я не удивлюсь также, если вы просто думаете, что бы вам съесть на завтрак. Я не знаю. Я всего лишь автор и не умею читать мысли. Но если вам правда интересно, что делала тетя Ида, то вам стоит прочитать следующую главу. Если же это не так, вы можете пропустить ее и начать прямо с той, что идет после нее и называется «Тролль-левый и Тролль-правый». Но если вы сделаете это, конец книги, возможно, приведет вас в некоторое замешательство. Не подумайте, что я пытаюсь указать вам, как читать эту книгу или что-то в этом роде. Вы можете читать ее задом наперед, если вам так удобнее. Это ваша книга. Но, как бы то ни было, я просто подумал, что мне стоит предупредить вас о том, что следующая глава будет о тете Иде. На тот случай, если она – ваш самый нелюбимый персонаж.

Лично мне она очень симпатична, но ведь все люди разные. И еще: если вы только что поужинали, вам, возможно, стоит подождать, пока еда переварится, прежде чем читать главу «Белый браслет», потому что она содержит довольно мерзкий поцелуй, сопряженный с сырным дыханием и мохнатыми усами.

И не говорите, что я вас не предупреждал.

Белый браслет

Еще никогда в жизни тетя Ида не вела машину на такой скорости. Она всегда побаивалась дорог и несущихся по ним металлических коробок на колесах. А с тех пор как она узнала о том, что случилось с ее сестрой Лив, ее страх превратился в тихий ужас.

Но теперь, спеша по направлению к Флому, она ехала так быстро, что ее старая помятая машина уже не понимала, на какой скорости она едет. Цифры на спидометре доходили только до девяноста км/ч, но тетя Ида превысила эту скорость, едва выехала на главную дорогу.

– Давай же, старая развалина, – умоляла она. – Ты можешь ехать быстрее, чем сейчас.

Машина возмущенно стонала, но деваться ей было некуда, и она продолжала мчаться по направлению к деревне.

Трава за окном слилась в единое расплывшееся пятно. И только дальние горы и фьорды оставались неподвижными, спокойными и прекрасными, как на одной из картин Старого Тора.

Машина с визгом и скрежетом въехала в деревню и покатила вдоль домов, мимо церкви, затем повернула налево на перекрестке и поехала по главной улице. Остановившись перед лавкой Оскара, тетя Ида ударила по тормозам и вбежала внутрь.

Внутри были кое-какие покупатели. Ида осмотрелась, пытаясь найти Оскара, но его нигде не было видно. Вместо него она увидела его светловолосого сына Фредрика, сидевшего на стуле и игравшего со своим калькулятором.

– Фредрик, где твой папа? – спросила тетя Ида по-норвежски.

Мальчик растерялся, словно тетя Ида была арифметической задачей, которую он не мог решить.

– Э-э... он наверху.

– Мне нужно его видеть. Это очень срочно.

Тетя Ида протолкалась мимо покупателей, неодобрительно косившихся на нее, и вошла в дверь в задней части магазина.

– Подождите! – воскликнул Фредрик. – Папа меня убьет! Я нарушил его правило.

Но тетя Ида знала, что сейчас нет времени на соблюдение правил. Она вскарабкалась по узкой темной лесенке и, двигаясь на голос Оскара, вошла в большую белую комнату с деревянным полом и головой оленя, взирающей вниз с одной из стен.

Оскар, стоя спиной к тете Иде, говорил по телефону с одним из поставщиков сыра.

– Нет, нет, нам больше не нужен ваш «Гейтост». Ваш «Ярлсберг» отличный. Очень белый и нежный. Но, боюсь, ваш «Гейтост» далек от совершенства. Он слишком коричневый. Этот сыр должен быть более золотистым, а его вкус должен напоминать карамель... А пока что приходится признать, что по вкусу он больше напоминает сыр, который только что вышел у оленя из...

Тетя Ида кашлянула.

Оскар подпрыгнул от неожиданности, но, когда он увидел, кто это, на его лице изобразилось облегчение. Видимо, он ожидал, что это будет двухголовый тролль.

– Э-э... извините, мне нужно идти, – сказал он своему собеседнику. И затем, повесив трубку, повернулся к своей незваной гостье: – Ида. Что ты здесь делаешь? Кто тебя впустил? Неужели Фредрик не попытался тебя задержать?

– Он пытался, – ответила тетя Ида. – Но сегодня меня ничто не остановит. Прости меня, но я пришла попросить тебя о большой услуге.

– Услуге? Ида... Я не знаю...

– Ну, думай об этом скорее как об услуге Хенрику. В конце концов, оказывая услугу мне, ты оказываешь услугу и ему. А ты ведь помнишь, как он помог тебе, когда у твоей лавки совсем не было покупателей. Он бесплатно привез тебе сыр «Золотая медаль». Запас на месяц.

Оскар горестно взглянул на телефон:

– Ах, если бы он все еще был здесь! Мне бы тогда не приходилось полагаться на болванов из Осло с их вонючим коричневым сыром. Есть его все равно что жевать носки. Эти дураки бы не узнали настоящий «Гейтост», даже если бы он упал на них с неба. Если бы у меня по-прежнему была «Золотая медаль» Хенрика, от моего прилавка тянулась бы очередь до самого Лиллехаммера.

– Значит, ты мне поможешь?

Оскар кивнул:

– Хорошо. В чем дело?

Тетя Ида набрала в легкие побольше воздуха и без лишних предисловий сказала:

– Мне нужен мужчина.

Оскар поправил свой желтый галстук-бабочку и поднял брови.

– О-о, – протянул он. – Ну, должен тебе сказать, что это не такая уж большая неожиданность для меня.

Тетя Ида смутилась:

– Правда?

– Видишь ли, у меня нюх на такие вещи. – Он пошевелил гигантскими ноздрями в подтверждение своим словам. И неожиданно почувствовал радость от того, что Хенрика здесь нет.

– Нюх?

– Любовь – совсем как сыр. Время идет ей только на пользу. А такие люди, как мы, Ида, не созданы для одиночества. Спать в пустой постели – это все равно что есть пустой хлеб без ничего. Не правда ли?

Он подошел к тете Иде, обхватил руками ее голову и, прежде чем она успела возразить, поцеловал ее. Она оттолкнула Оскара с его сырным дыханием и мохнатыми усами.

– Нет, – воскликнула она, вытирая губы. – Нет! Оскар. Нет.

Она собиралась было рассердиться, но затем вспомнила, зачем пришла сюда:

– Послушай, Оскар, мне кажется, ты меня неправильно понял. Ты прекрасный человек, но мне не нужен новый муж.

Оскар пришел в замешательство и посмотрел вверх на оленью голову, словно опасаясь, что она расскажет кому-нибудь, каким дураком он только что себя выставил.

– Ох, ясно. Так для чего же я тебе нужен?

Тетя Ида зажмурилась и на одном дыхании выпалила:

– Чтобы пойти со мной в лес.

– В лес? В Тенистый лес? В самое опасное место во всем мире? В место, где люди пропадают навсегда?

– Это все Сэмюэль и Марта, – объяснила тетя Ида. – Дети, за которыми я присматриваю. Они ушли в лес. С Ибсеном. И я должна их найти.

– О, нет. Дети. Эти несчастные дети.

– Я должна вернуть их, но я не могу сделать это одна. Я знаю, что раньше ты говорил нет – тогда, когда я просила тебя помочь найти Хенрика. Но на этот раз ты должен помочь мне. Пожалуйста. Я умоляю тебя.

Но Оскар уже тряс головой и, перебивая ее, говорил:

– Ида, Ида, послушай. Я очень хочу помочь тебе, и я бы сделал что угодно еще... Что угодно... Но... но в этом лесу ужасные вещи. Даже лесные существа пытаются сбежать. Старый Тор вчера видел еще одного. Я говорил тебе, что он видел двухголового тролля. Так вот, прошлой ночью он снова ходил к фьорду и увидел кое-кого еще. Томте, и еще нескольких хюльдр.

Тетя Ида сглотнула, догадавшись, что они с Сэмюэлем видели то же самое.

– Но на этот раз они заметили его, – продолжал Оскар. – Хюльдры. Они заметили его и погнались за ним. И он убежал.

Тетя Ида вспомнила, как хюльдры неслись галопом по направлению к фьорду.

– Но Старый Тор не может бегать. Он и ходит-то с трудом.

Оскар кивнул:

– Знаю. Это какая-то загадка. Но он клянется, что это правда.

Не понимая, какое отношение все это имеет к походу в лес, тетя Ида попробовала упрямить его еще раз:

– Пожалуйста... Пожалуйста, Оскар...

Но ничто не могло убедить Оскара.

– Я не могу пойти с тобой в лес, – сказал он. – Прости. Я не могу сделать это. У меня есть обязанности. У меня есть лавка. У меня есть Фредрик. Прости меня, но я не могу помочь тебе. Я слишком стар, чтобы быть героем.

– И что же мне теперь делать?

Он пожал плечами:

– Ты можешь попросить других мужчин в деревне. Может быть, они помогут.

– С таким же успехом я могу попросить о помощи этого оленя. Ты знаешь, что обо мне думают в деревне. Они решат, что я сама во всем виновата, поселив детей так близко к лесу.

Взметнувшиеся вверх брови Оскара показали ей, что он, возможно, тоже разделяет эту точку зрения. Она немного помедлила, раздумывая, не попробовать ли еще немного его поуготоваривать, но потом решила, что времени на это нет. Она вышла из комнаты и сбежала по лестнице в лавку. Помимо Фредрика, там было несколько старых дам, несколько еще более старых сыров, но ни одного мужчины.

Она выбежала из лавки и побежала вниз по улице, стучась во все двери и прося о помощи всех мужчин, которых могла найти. Но куда бы она ни шла, везде она встречала отговорки.

Первым был Джонас, торговец книгами, который после публикации норвежского перевода «Существ Тенистого леса» помог сделать его самой популярной книгой Флома:

– У меня у самого есть дети. Прости. Я нужен своей жене здесь.

Потом был Томас, местный полицейский, который показал ей карту:

– Боюсь, лес по другую сторону границы. Он за пределами моего участка. Полиция бессильна поддерживать порядок среди троллей, хюльдр и пикси.

Третьим был Кристофер, местный парикмахер, который сказал ей, что у него аллергия на сосны.

Затем был Ульф из почтового отделения, который в виде оправдания вытянул свою деревянную ногу.

– Упал, катаясь на лыжах, – объяснил он.

Затем Андреас из сувенирного магазина, который сказал, что у него и так дел по горло.

– Но твой магазин пуст, – возразила тетя Ида. – Уже многие годы у тебя нет ни одного покупателя.

Андреас затряс головой:

– Завтра у меня начнется распродажа. Десятипроцентная скидка на все мои сырные ножи с ручками из оленьего рога. И предложение «два по цене одного» на мои статуэтки.

Ида покосилась на деревянные статуэтки пикси и троллей: некоторые – с одним глазом, другие – с двумя головами. Она вздрогнула, представив, что Сэмюэль и Марта, вполне возможно, уже встретили этих существ в реальности.

После этого Ида пошла в местную церковь к Мартину, приходскому священнику.

– Бог осветит им дорогу и поможет найти путь домой, – изрек Мартин.

– А ты – ты мне поможешь?

– Кто я такой по сравнению с Богом? И кто ты такая? Мне жаль. Мы бессильны что-либо сделать. Остается только молиться.

Последним по счету и по значению (как полагала тетя Ида) был Старый Тор, который сидел, взгромоздившись на старинный стул посреди своей мастерской. Он рисовал безобразного хюльдра, скачущего на лошади под лунным светом.

– Старый Тор, ты должен помочь мне: дети, за которыми я присматриваю, пропали в Тенистом лесу.

Глаза старика расширились от ужаса, и он впал в какой-то транс.

– Старый Тор? Старый Тор? Ты слышишь меня?

В этот момент в мастерскую вошла его жена, пухлая женщина в трех кофтах, которая была так груба с тетей Идой у сырного прилавка.

– Оставь нас в покое, – сказала она. – Мы ничем не можем помочь!

– Мои дети пропали в лесу. Я не смогу найти их в одиночку. А твой муж уже встречался с лесными существами...

– Не нужно мне об этом напоминать, – сказала старая женщина, кивая на холст. – С тех пор он больше ни о чем, кроме этого, не думает. А люди хотят видеть картины гор и фьордов. Мирные живописные пейзажи. Они не хотят вешать на стены изображения чудовищ.

Женщина в кофтах начинала порядочно раздражать тетю Иду.

– Ты, наверное, не понимаешь. Дети пропали в...

– Ну, это твои проблемы. Если у тебя хватило ума поселить их вблизи такого опасного места.

Тетя Ида предпочла пропустить мимо ушей последнее замечание и попыталась снова воззвать к Старому Тору:

– Послушай, я понимаю, что ты не пойдешь со мной в лес, но я – иду. У меня нет выбора. Мне больше нечего терять. Пожалуйста, есть ли что-то, что ты мне можешь рассказать о лесных существах, которых ты видел?

В первый раз с начала разговора Старый Тор отвернулся от картины и поднял взгляд на тетю Иду. Один его глаз был молочно-белым, и тетя Ида вспомнила слова Оскара: «Он совсем ничего не видит одним глазом». Она задумалась о том, сколько ему лет. Восемьдесят? Девяносто? Как может такой старик убежать от несущейся галопом лошади? Она посмотрела на его высохшую от времени руку, державшую кисть.

Рука с кистью все еще оставалась неподвижной, но Старый Тор уже принял какое-то решение. Потом он встал и медленно, с усилием побрел прочь от тети Иды.

– Отлично, – пробормотала тетя Ида. – Благодарю за помощь.

Но Старый Тор вовсе не уходил. Он просто направлялся к своему пиджаку, висевшему на крючке в углу комнаты. Сунув руку в карман пиджака, он вытянул оттуда что-то. Что-то белое. Похожее на браслет. Или на кошачий ошейник.

Он заковылял обратно, не обращая внимания на ворчание жены, и протянул это тете Иде.

– Возьми это, – сказал он, вкладывая предмет ей в руку.

Что это было? Какой-то амулет?

Жена Старого Тора издала глухое ворчание, как будто у нее в голове произошел небольшой взрыв, и в негодовании вышла из мастерской.

– Что это? – спросила тетя Ида.

– Я нашел его возле камня у самой воды, прошлой ночью, когда я ходил к фьорду дописывать картину... Видишь этот оловянный диск? Ну, прочти, что там написано.

Тетя Ида взглянула на белый матерчатый браслет и серебристый диск, прикрепленный к нему. И увидела три большие буквы, выгравированные на нем:

Хек

– Хек, – прошептала тетя Ида. – Ведьма.

Старый Тор кивнул:

– Он был у меня в кармане, когда за мной гнались хюльдры.

Тетя Ида все еще не понимала.

– Прости, – сказала она. – Я не...

Старый Тор показал на свой слепой глаз:

– Оно вернулось. Зрение в этом глазу. Всего на те несколько секунд, что я убегал и оно было мне необходимо. Я видел лучше, чем когда-либо, даже несмотря на то, что было темно. Это было совершенно невероятно. И мои ноги тоже. На моих ногах словно выросли крылья, я словно снова стал мальчишкой – и не просто мальчишкой, а самым быстроногим мальчишкой во всем мире.

Тетя Ида сжала браслет в руке.

– Может быть, это был страх, – заметила она. – Страх может придавать человеку силы.

Старик потряс головой:

– Страх не может помочь человеку различать цвета ночью. И он не может помочь старику убежать от лошади.

Тетя Ида посмотрела на наполовину законченную картину. Уродливое существо с широко расставленными глазами и коровьим хвостом, сидящее верхом на скачущем галопом белом жеребце.

– А теперь? Ты можешь бегать?

Он улыбнулся:

– Нет. Ты видела меня. Чтобы пересечь комнату, мне нужна целая минута. Браслет дал мне определенные... силы... но только тогда, когда я был в опасности. Возьми его, пожалуйста. Если в лесу еще больше этих существ, он тебе пригодится.

Тетя Ида натянула белый браслет себе на запястье.

– Спасибо тебе, Старый Тор, – сказала она. – Но как же дети? Ведь у них нет браслета, который бы их защитил.

– Нет, но у них есть ты, – ответил он. – А теперь иди. И пусть Бог пошлет тебе удачу.

Пятнадцать минутами позже тетя Ида уже была на своем чердаке, пытаясь найти «Существа Тенистого леса».

– Где она? Где она? Где она? – твердила она, роясь в содержимом чайной коробки. – О, нет, – произнесла она. – Кто-то ее взял.

Но кто?

Это могли быть только Марта или Сэмюэль. Она огляделась вокруг в поисках чего-нибудь еще, что могло бы ей помочь.

Старая одежда. Нет.

Фотографии Хенрика. Нет.

И тут она увидела его, лежащего у стены. Копье. Уже долгие годы она не притрагивалась к нему, а руки ее были уже совсем не те, что прежде. Было так странно смотреть на него. Она словно смотрела на саму себя в молодости.

– Ты отправишься со мной, – проговорила она, поднимая его.

Она спустилась вниз, вышла из дома и, торопясь, полезла вверх по склону. Достигнув сосен, она остановилась и еще раз крикнула в лес:

– Сэмюэль! Марта! Ибсен!

Но ей ответило только эхо.

– Ну, Ида, – сказала она себе. – Да будет так.

Она крепко сжала копьё в руке и убедилась, что белый браслет с серебристым диском по-прежнему у нее на запястье. Удостоверившись в том, что все на своих местах, она набрала полные легкие холодного воздуха, словно стараясь вдохнуть побольше мужества, и вступила в тень деревьев.

Тролль-левый и тролль-правый

Шло время, а Марта все сидела на твердом полу тюремной камеры.

– Ты не разговариваешь, человеческое дитя, – сказала седоволосая женщина из камеры напротив. – Где твои слова? Где ты их потеряла?

Марта ничего не ответила, но старая женщина кивнула головой, словно ее молчание уже заключало в себе ответ.

– Ты знаешь, почему они тебя заперли?

Марта покачала головой.

– Ты – человек. Людям опасно находиться в лесу. Если тебя поймают, тебя уже никогда не отпустят... Это несправедливо, но в этом лесу больше нет справедливости. Больше нет. С тех самых пор как лес изменился. Никто из сидящих здесь не заслужил своей участи, никто из нас не совершил никакого преступления.

– Никто из нас, кроме томте, – сказала правая голова тролля. – Мастер перемен был прав, когда запретил пение. Особенно пение такого рода.

Тролль взглянул на Марту обеими своими головами, и они обе решили представиться.

– Я – Тролль-левый, – сказала левая голова.

– А я – Тролль-правый, – сказала правая голова.

– Некоторые считают нас одним троллем, потому что у нас всего одно тело, но это не так.

– Завтра у нас не будет ни одного тела, – плаксиво пробурчал Тролль-правый. – Мы станем всего лишь парой камней. И все по твоей вине.

– Ох, прекрати свое нытье, – сказал Тролль-левый.

– Если бы ты прислушался к моему нытью, нас бы сейчас здесь не было, – возразил Тролль-правый.

– Я прислушивался к твоему нытью всю свою соседскую жизнь. Я никогда не мог искупаться в лесном озере, потому что ты говорил, что вода слишком опасна.

– Но вода действительно слишком опасна.

– Неудивительно, что мы теперь так воняем.

– Лучше вонять, чем быть мертвым.

– Ты большой соседский трус, – сказал Тролль-левый.

– А ты соседский маньяк, – парировал Тролль-правый. – Я предупреждал тебя о том, что может случиться, если мы попытаемся сбежать из леса. Я предупреждал тебя, но разве ты меня слушал? Нет.

Внезапно Тролль-левый вспомнил, что они начали представляться Марте.

– Вы должны извинить нас за наши манеры, – сказал он. – Мы всего лишь тролли. Мы не злобные, как считают большинство существ. На самом деле мы хорошие. Но мы не такие чистоплотные и вежливые, как вы, люди. А мы с Троллем-правым не очень-то хорошо ладим, как видите. Жить в одном теле бывает очень тесно. А он соседский трус, простите меня за мой хекрон.

– Я тебе покажу труса, – воскликнул Тролль-правый, и правая рука вцепилась в волосы Тролля-левого.

– Бойся купаться! Да на любом языке это называется именно «соседский трус», – сказал Тролль-левый, и левая рука дернула Тролля-правого за бороду.

В драке между двумя половинами тролля ни одна из сторон не имела явного преимущества, потому что обе половины тела обладали совершенно одинаковой силой.

– Получай, – воскликнул Тролль-левый, хватая другую голову за нос.

– Получай, – взвыл Тролль-правый, дергая соседнюю голову за нижнюю губу.

После того как тролли наконец довели себя до изнеможения, женщина с длинными седыми волосами снова заговорила с Мартой. Слова, которые она произносила, казалось, леде-нили тюрьму, потому что они повествовали о самых глубоких тайнах леса.

Золотые круги и тяжелые тени

– Я – Снежная ведьма, – сказала старая женщина. – Ты когда-нибудь в жизни встречала ведьму?

Марта отрицательно покачала головой.

– Не бойся, человеческое дитя. Магия не есть зло: злыми могут быть только цели ее применения. – Снежная ведьма печально покачала головой: – Бойся этих целей, дитя. Не бойся магии... А магия, которой обладала я, исчезает. У меня почти не осталось заклинаний. Даже когда я пытаюсь сотворить хоть немного мороза, все мое тело пронзает боль. Это все моя сестра. Ведьма теней. Она украла у меня кое-что. Браслет. Браслет Хек. Он дает защиту от зла в этом лесу. А потом, украв мой браслет, она похитила и мою магию.

– Ты ненавидишь ее? – спросил Тролль-левый, недовольно покосившись на Тролля-правого.

– Нет, я ее не ненавижу, – ответила Снежная ведьма. – Она моя сестра. И, кроме того, это не ее вина...

Тролль-левый нахмурился:

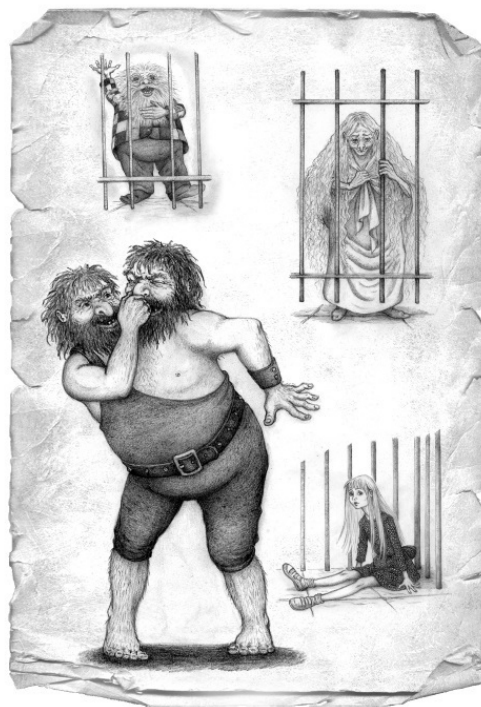
– Она похитила твою магию, и это не ее вина? Это какая-то бессмыслица.

– Ее заставили измениться, – объяснила Снежная ведьма. – Мастер перемен, который властвует над лесом, заставил ее украсть тени у добрых существ и сделать их злыми. Когда-то этот лес был раем, но теперь это жуткое место. А я заперта в тюрьме и чувствую себя такой старой, какой я на самом деле и являюсь.

Марта посмотрела на остальные камеры, на двухголового тролля и на томте и задумалась о том, опасны ли они. Тролль-левый говорил, что тролли безвредны, но, возможно, он врал.

– Я знаю, о чем ты думаешь, человеческое дитя, – сказала Снежная ведьма. И она действительно знала, потому что вслед за этим она проговорила: – Не волнуйся о троллях и томте. Они – Неизменные. Их тени не были украдены. А у томте и вовсе нет тени, которую можно украсть.

Марта взглянула на томте, который улыбался ей, словно лучшему другу, и увидела, что Снежная ведьма права. Вместо тени у его ног лежал круг слабого золотистого света, словно он был какой-то диковинной лампой. Потом она посмотрела на двухголового тролля и увидела, что у него есть тень. Даже в тусклом освещении тюрьмы она была хорошо различима. Это была самая темная из всех теней, что она когда-либо видела.

И снова Снежная ведьма знала, о чем она подумала.

– Да, человеческое дитя, у троллей есть тени, но эти тени нельзя оторвать от земли. Они слишком тяжелые, чтобы их поднять, даже с помощью магии.

Троль-левый и Троль-правый удивленно посмотрели друг на друга и затем пожали каждый своим плечом.

– Что ж, – сказал Троль-левый, – это кое-что объясняет.

Снежная ведьма вздохнула. Этот вздох, казалось, вобрал в себя печаль всего леса.

– Вот зачем построена эта тюрьма. Если Мастер перемен не в силах контролировать тебя, он не может заставить тебя следовать его правилам. И тогда ему приходится применять страх. Если кто-то нарушает его правила, если Неизменные существа бродят вне своих деревень или вне леса, они оказываются здесь.

– И ожидают дня своей смерти, – горестно добавил Троль-правый.

Снежная ведьма кивнула:

– Да. Я сижу здесь многие годы. Все остальные пленники уже давно отосланы к Мастеру перемен и приговорены к смерти. Его оружие – страх. Тех, кого он не может изменить, он наполняет ужасом. И ужас ныне повсюду. Все остальные существа теперь злы и опасны. И самые злые из них – хюльдры. Это те существа, которые заперли тебя здесь. Но тем не менее, человеческое дитя, ты должна понимать, что если бы ты не упала в ловушку, тебя бы очень скоро поймал кто-то еще. Даже самые искренние и чистые из всех существ – правдивые пикси – превратились в самых жестоких. Да, поистине в самых жестоких. Ах, мое слабое сердце замирает от ужаса при одной мысли об этом. Об этом темном и страшном дне.

Ледяные слезы

Когда Снежная ведьма закончила свой рассказ, в тюрьме повисло угрюмое молчание. Даже томте прекратил напевать свои песенки и задумался о своих друзьях-томте, которых убил Мастер перемен. И только Марта не почувствовала никакого страха, услышав рассказ Снежной ведьмы.

Она знала, какой беспощадной может быть жизнь, и ничего хорошего она от нее уже не ждала.

Она закрыла глаза и представила, что жизнь – это маленький человечек в ее голове. Нет, не человечек. Жестокий хюльдр, который плюет на нее, лежащую за решеткой.

Но ведь жестокость питается страхом и другими подобными чувствами. Если она не будет ничего чувствовать, жестокость не будет иметь над ней власти.

«Я перестану чувствовать так же, как перестала говорить», – сказала себе Марта. Но перестать чувствовать не так-то просто. И одно из чувств, которое никак не хотело ее покидать, было чувством вины. Она ощущала себя виноватой перед братом за то, что ему пришлось пойти за ней в лес. Она подумала об ужасных существах вроде правдивых пикси. Они были там, снаружи, готовые причинить боль любому человеку, который попадется им на пути. Она закрыла глаза и начала молиться за брата, тихо говоря про себя:

«Сэмюэль».

«Мне так жаль».

«Мне очень, очень жаль».

И в этот момент она начала плакать.

Она не плакала с того самого дня, когда на машину упало бревно. Ее слезы оставались узниками, как и она сейчас, но при мысли о брате, потерянном в этом жутком лесу, печаль, так долго копившаяся в ней, вдруг вырвалась на свободу.

Она плакала не так, как обычно.

Не так, как она плакала, когда Сэмюэль прятал все ее заколки для волос. Или когда мама опаздывала, забирая ее с занятий по верховой езде. Или когда ее родители без остановки кричали друг на друга.

Все те слезы всегда были нужны для того, чтобы что-то получить. Неважно что – заколки для волос, маму, приехавшую вовремя, или спокойных родителей.

Но слезы, которые сейчас катились из ее глаз, были совсем другими. Во-первых, они были тихими. И совсем не напоминали истерику. И у них не было ровно никакого практического применения. Они были словно бесполезные деньги в чужой стране и не могли принести ей ровно никакой пользы.

– Не плачь, человеческое дитя, – сказала Снежная ведьма.

Но тихие слезы все лились, и их было так много, что ими можно было наполнить целый стакан.

Снежная ведьма начала что-то едва слышно бормотать, и при этом ей, казалось, было очень больно.

– Что такое со Снежной ведьмой? – спросил Тролль-левый.

– Ты задаешь слишком много вопросов, – ответил Тролль-правый.

– Ты просто боишься ответов, – парировал Тролль-левый.

– Мир без вопросов – самый безопасный мир, – сказал Тролль-правый.

– Ты хочешь сказать: самый скучный мир, – возразил Тролль-левый.

– Я хочу сказать: безопасный.

– Об этом я и говорю.

Марта почувствовала холод в глазах и на щеках. Она взглянула на Снежную ведьму, которая по-прежнему выглядела так, словно ей было очень больно.

И вдруг Марта поняла.

Она больше не плакала.

Она дотронулась до своей щеки. И прикоснулась к своим слезам. Они были твердыми. Ледяными. И на другой щеке было то же самое. Крошечные тонкие льдинки.

Слезы раскрошились у нее в руке и превратились в маленькие капельки на полу.

– Я избавила тебя от слез, человеческое дитя, – сказала Снежная ведьма. – Но мои силы слишком малы, чтобы избавить тебя от горя.

Или, может быть, горе Марты было слишком велико.

– Ну же, – пропел томте веселым голосом, которым когда-то говорила и сама Марта. – Выше нос! Все не так уж плохо, ты же знаешь.

Но Марта знала, что томте ошибается.

Все было очень плохо.

И более того: она знала, что дальше будет только хуже.

Волшебный запах

Сэмюэль с Ибсеном шли уже много часов, совершенно не представляя, куда они идут. Они так поспешно убежали прочь от вымершей деревни и скелета хюльдра, что теперь понятия не имели, где находятся.

– Мои ноги меня убивают, – сказал мальчик своему клыкастому компаньону. – Тебе-то хорошо. У тебя есть подушечки на лапах.

Сэмюэль пытался ступать своими босыми ногами по траве в стороне от дорожки, избегая твердой почвы в середине.

Ибсен поднял на него голову и сочувствующе улыбнулся одними глазами.

– Марта!

Крики Сэмюэля теперь стали менее частыми и все более и более отчаянными. Имя его сестры прыгало между деревьев, как мячик, который никто не хотел ловить.

– Марта!

Он чувствовал слабость от голода. Его ноги покрылись порезами и синяками. Ветер пробирал его до костей. Он задумался было о том, чтобы попытаться найти путь назад, к тете Иде, но решил не делать этого. Марта – это единственное, что имело значение, и он не собирался покидать этот лес прежде, чем найдет ее.

Он шел все дальше и дальше, и рядом с ним брел усталый Ибсен. Сэмюэль не знал, приближаются ли они к девочке, которую ищут, или только уходят от нее еще дальше. Он прижал к груди книгу профессора Тэнглвуда «Существа Тенистого леса» и посмотрел на часы на свободной руке. Они показывали половину одиннадцатого – но они показывали половину одиннадцатого с тех самых пор, как они вошли в лес. Время словно остановилось в тот момент, когда он вступил в зеленый сумрак леса.

Сэмюэль замер на месте.

Где-то раздавался рокот, похожий на дальний гром.

Прислушавшись, Сэмюэль понял, что это.

«Это не гром. Это мой желудок». Он с тоской подумал о тех пяти ломтиках сыра, что он отдал Ибсену. Сейчас он мог бы проглотить целый круг коричневого сыра.

Голод отнимал у него все силы. Еда виделась ему везде – и нигде. Стволы деревьев превратились в гигантские куски хорошо прожаренного мяса, а грязная дорожка приняла вид подливки.

Шатаясь, он брел вперед, и его обступали воспоминания запахов и вкусов.

Он вспомнил, как папа пришел домой в дождливый пятничный вечер с теплыми пакетами рыбы с жареной картошкой на всю семью. Дом наполнился волшебными запахами солодового уксуса и папиного мокрого плаща.

Он вспомнил день накануне аварии. Его мама испекла праздничный пирог для Марты, и ему разрешили вылизать сахарную глазурь из миски.

Он зажмурился, словно, закрыв глаза, он мог вернуться обратно на кухню. Обратно ко вкусу сахарной глазури на языке, обратно к теплой и такой надежной маминой улыбке.

Но этого было мало. Воспоминания могут только дразнить; они не могут наполнить желудок – так же, как не могут вернуть к жизни мертвых.

И вдруг за темнотой закрытых глаз он почувствовал, как его ноздри щекочет какой-то аромат. И на этот раз аромат был реальностью, а не воспоминанием.

И, если честно, нос Сэмюэля еще никогда не нюхал ничего настолько восхитительного.

Он открыл глаза и увидел перед собой дилемму. Дорога образовывала распутье в форме буквы «У», разветвляясь на две тропинки. Одна вела вверх по крутому холму, а другая полого спускалась вниз.

Его нос принял решение за него. И хотя его ноги ныли от усталости, ноздри Сэмюэля повели его вверх по узкой извилистой тропинке, уходящей вправо, и на сей раз Ибсен не пролаял никаких явных возражений.

Сэмюэль понятия не имел, что это за запах. Но он никогда прежде не нюхал ничего подобного. Запах был одновременно сладким и соленым. Сильным, но при этом тонким.

Это был запах, по сравнению с которым все остальные запахи мира не значили ничего.

– М-м-м, – простонал он, потому что его нос командовал его ртом точно так же, как и его ногами.

Подъем стал более пологим, а кроны деревьев над головой расступились, пропуская вниз немного мягкого света. В просвете между двумя деревьями возникла маленькая бревенчатая хижина.

В хижине была зеленая сводчатая дверь и два окна, одно из которых было открыто. «Вот оно, – подумал Сэмюэль. – Вот откуда идет этот запах».

Он в замешательстве остановился, вспомнив о последнем доме, который он видел. Доме со скелетом внутри. Он вспомнил о том, что рассказывали ему тетя и книга обо всех ужасных созданиях, населявших лес. Но ведь, с другой стороны, тот, кто жил в этом доме, мог знать что-нибудь о том, где искать Марту.

Спотыкаясь, Сэмюэль пошел по тропинке, испещренной пятнами света. Он был заворочен запахом, который соблазнял его ноздри и дразнил желудок. Ибсен заскулил, но и он, казалось, был зачарован волшебными ароматами, витавшими в воздухе.

– Еда, – пробормотал Сэмюэль.

А потом дверь открылась, из хижины вышло маленькое существо – человек примерно в метр ростом. Нет. Не человек. Это было крошечное, похожее на ребенка создание с заостренными ушками и нежным ангельским личиком, которое казалось невинным и чистым, как снежинка.

Было невероятно сложно поверить, что такое личико может принадлежать убийце, но ведь убийцы бывают самых разных форм и размеров. И Сэмюэлю вскоре предстояло это узнать.

Правдивый пикси

Сердце Сэмюэля заколотилось, и каждая клеточка его тела наполнилась страхом. Череп был ужасен, но он, по крайней мере, был мертвым. Конечно, он уже видел хюльдр и томте, но только издали и в темноте. Но теперь, когда в ярком дневном свете он стоял лицом к лицу с живым существом, не похожим ни на человека, ни на животное, все было совсем по-другому. Он чувствовал, что не может поверить своим глазам.

– Привет тебе, друг, – сказал пикси, словно уже давно ждал Сэмюэля.

Друг.

Сэмюэль был озадачен. Почему это существо называло его другом? И почему он понимал, что оно говорит? Он вспомнил, что читал в книге, которую держал в руках:

«Большинство лесных созданий говорят на хекроне, универсальном языке, который понятен всем – даже людям...»

Он крепче прижал книгу к груди. В мире, которому он больше не доверял, книга профессора Тэнглвуда оставалась единственной надеждой, единственным, чему можно было верить.

– Ты в порядке, друг?

Вот опять. Друг.

Сэмюэль не доверял этому слову.

Но у невинного маленького создания были самые добрые глаза и самая добрая улыбка из всех, что когда-либо видел Сэмюэль. Все в нем казалось таким дружелюбным – даже его странный вздернутый носик и заостренные ушки. Сэмюэль почувствовал, как страх покидает его тело, а голод возвращается.

– Привет, – сказал он, чувствуя, как аромат окружает его невидимым облаком.

– Ты выглядишь усталым, друг. И голодным. Почему бы тебе не зайти ко мне и не съесть немного супа? – Существо спустилось с порога на траву, но Сэмюэль не заметил, что у него нет тени.

– Я ищу свою сестру, – сказал Сэмюэль. – Она зашла в лес, но я не могу ее найти. Ей десять лет, и она одета в темно-синее платье. Ты не видел ее?

– Нет, друг. Я не видел никакой сестры.

– Я должен ее найти. Ты не знаешь...

Но не успел Сэмюэль закончить свой вопрос, как существо перебило его, сказав:

– Ну, с пустым желудком ты далеко не уйдешь, не так ли? Входи! Что скажешь?

Сэмюэль не сказал ничего, но за него ответил его желудок, издав утробное бурчание.

Пикси хлопнул в ладоши:

– Точно!

Минутой позже Сэмюэль с Ибсеном уже сидели в бревенчатой хижине, глядя на то, как существо помещивает котел с супом, стоящий на чугунной печке. Это было все равно что сидеть внутри кукольного домика: все вокруг было несоразмерно маленьким. Сэмюэль огляделся вокруг и обратил внимание на то, как странно была украшена хижина. Ее стены были выкрашены в белый цвет с большими пурпурными и серыми пятнами.

– Мне правда очень нужно найти мою сестру. Ты уверен, что не видел ее?

– Да, друг. Я уверен.

Пока пикси стоял к нему спиной, Сэмюэль под столом открыл книгу.

Ну почему там не было картинок? Насколько было бы удобнее, если бы профессор Тэнглвуд сделал фотографии лесных существ или хотя бы иллюстрации.

Вместо этого он просто написал заглавными буквами названия существ в начале каждой страницы и под ними поместил их описания. Это означало, что Сэмюэлю понадобится немало

времени, прежде чем он поймет, к какому из многочисленных лесных существ они попали в гости.

Хюльдр? Нет.

Троль? Нет.

Томте? Нет.

Летающий головостук? Нет.

Он перевернул страницу, но не успел взглянуть на нее, потому что к столу подошло существо с миской ярко-желтого супа. В руках пикси миска казалась очень большой, но для человека она была в самый раз.

Вместе с паром от миски поднимался аромат, нежно ласкавший ноздри Сэмюэля. Он дрожал от голода. Он знал, что даже если в супе будет оленья мясо, он проглотит все содержимое миски ровно за пять секунд.

– М-м-м, – услышал он собственный голос. – Пахнет восхитительно.

Существо в предвкушении потирало руки, как будто собиралось наслаждаться тем, как его гости пробуют суп, почти так же, как Сэмюэль собирался насладиться поглощением этого супа.

– Это мой особый рецепт. Особый, особый.

– О, – сказал Сэмюэль.

Ибсен гавкнул, и Сэмюэль воспринял это как: «Я бы тоже хотел немного супа, если ты не возражаешь».

– Не волнуйся. Я оставлю тебе немного.

Сэмюэль взял ложку и собрался было набрать в нее супа, но Ибсен вдруг прыгнул на него, так что суп пролился из ложки на страницу, которую он еще не успел просмотреть.

Сэмюэль опустил взгляд на книгу и увидел слова «ПРАВДИВЫЙ ПИКС». На самом деле надпись гласила «ПРАВДИВЫЙ ПИКСИ», но на букве «И» было пятно супа.

Сэмюэль прочитал:

Это существо живет в маленькой бревенчатой хижине на одном из восточных холмов. Ростом оно не выше метра и имеет самое невинное лицо, которое только можно себе представить. Его отличительные черты – заостренные уши, вздернутый нос и ноги, которые кажутся слишком большими по сравнению с телом пикси. Не обольщайтесь его внешним видом, ибо это существо чрезвычайно опасно.

Сэмюэлю пришлось прервать чтение, потому что правдивый пикси заговорил:

– В чем дело? Ты не хочешь есть мой прекрасный суп?

– Нет, – сказал Сэмюэль, глядя на большие ноги пикси. – То есть да... Я имею в виду, я не отказываюсь есть его. Я просто пролил немного. На коленку.

Он затолкал книгу глубже под стол, чтобы правдивый пикси ее не заметил. Пикси подозрительно взглянул на гостя.

Сэмюэль, по очевидным причинам, не хотел объяснять, что он читает.

Он заметил буханку черного хлеба на серебряном подносе, стоящем на маленькой печке.

– А можно мне немножко хлеба? Я просто... я просто хотел бы его макать в суп.

Правдивый пикси стоял неподвижно, как на картинке, и лицо его выражало нечто среднее между улыбкой и неодобрением.

– Ты хочешь хлеб к супу?

– Э-э... да... пожалуйста.

– Хлеб к супу! Какая забавная просьба!

– Это... м-м... так принято там, откуда я родом. И я смогу поделиться им с моей собакой.

Правдивый пикси, казалось, был близок к тому, чтобы сильно рассердиться, но сдержал свою злость и сказал:

– Очень хорошо. Хлеб к супу.

Затем существо повернулось, подошло к серебряному подносу и стало резать хлеб ножом. Сэмюэль, воспользовавшись тем, что пикси стоит к нему спиной, быстро вытащил книгу из-под стола и продолжил читать.

Опасность правдивого пикси заключается в том, что он заманивает других существ (включая людей) дружелюбными улыбками и обещаниями отдыха и еды, а потом готовит для них отравленный суп. Этот суп восхитительно пахнет, но содержит смертельно ядовитое растение под названием губорез, который растет в диком виде на склоне холма.

Через минуту после того, как гость попробует суп, губорез проникает в его мозг, в результате чего голова взрывается. Это неминуемая, кровавая и мучительная смерть. От созерцания ужасного зрелища пикси получает необыкновенное наслаждение и в восторге хлопает в ладоши.

Но ниже, мелким шрифтом внизу страницы, было написано кое-что еще.

Слабость: Неспособность лгать.

Несколько интересных фактов

– Пять ломтиков.

Сэмюэль подскочил на стуле. Он не слышал, как пикси вернулся к столу, держа в руках хлеб.

Сэмюэль зажал книгу между ног.

– Спасибо, – поблагодарил он.

– Что это? – Палец пикси указывал на колени Сэмюэля.

– Ах, это просто... э-э... книжка. Книжка со сказками. Ничего особенного. Просто выдумки.

– Сказки. – Правдивый пикси состроил гримасу, высунув язык, словно сказки были какой-то отвратительной едой. – Я ненавижу сказки. Я люблю факты, а не выдумки.

Правдивый пикси тихо вздохнул, и Сэмюэль на секунду подивился, как такое миловидное существо на самом деле может быть очень опасным.

– Он остывает.

– Что?

Правдивый пикси показал на миску Сэмюэля:

– Мой особый суп. Он вкуснее, когда горячий. Ты должен попробовать – м-м-м-м. Хороший суп. Особый суп.

Сэмюэль взял один ломтик хлеба и переломил его пополам. Глаза правдивого пикси расширились от возбуждения, когда Сэмюэль обмакнул кусочек хлеба в суп.

Разумеется, Сэмюэль не собирался есть суп, однако он до сих пор не знал, каким образом он может избежать этого. Он понимал, что должен сделать что-то, но что?

И тут он вспомнил – «Слабость: неспособность лгать».

– Ты правдивый пикси? – спросил Сэмюэль, задержав руку с хлебом на полпути между миской и ртом.

Правдивый пикси скривился, словно этот вопрос больно ударил его по вздернутому носику.

– Да, – сказал он, и тут же прикрыл рот рукой.

Сэмюэль кивнул:

– Этот суп отравлен?

Лицо пикси сморщилось еще сильнее.

– Да, – ответил он, отнимая руку ото рта.

– Что он со мной сделает?

Правдивый пикси содрогнулся:

– Он очень ядовитый, и от него твой мозг взорвется, разорвав голову, и забрызгает стены, и ты умрешь от самой страшной боли, которую только можешь представить.

Сэмюэль продолжал задавать вопросы, а правдивый пикси выдавливал из себя ответы, поминутно шлепая себя по лицу и кусая свою руку.

– Значит, ты пытаешься убить меня?

– Нnnnnnn-да!

– Почему?

– Потому что я этим наслаждаюсь! Это помогает мне чувствовать себя не таким маленьким!

– Что случится, если я не съем суп?

– Ничего!

– Ты меня не тронешь?

– Нет! – В этот момент правдивый пикси кусал свою руку так яростно, что из нее пошла кровь.

– Почему нет?
– Потому что я боюсь, что ты дашь мне сдачи!
– Почему?
– Потому что я маленький, слабый пикси, который чувствует боль сильнее, чем все остальные существа.
– Что ты сделаешь, если я встану и выйду из твоей хижины? Ты последуешь за мной?
– Нет!
– А что, если я возьму твои сандалии? – спросил Сэмюэль, глядя на сандалии на больших ногах пикси. – Ты сделаешь что-нибудь?
– Я могу назвать тебя нехорошими словами.
– Какими словами?
– Вонючий грязехлеб. Эльф-вонючка. Жопохлюп.
– Эти слова не обидят и пятилетнего ребенка.
Правдивый пикси вздохнул:
– Это самые ужасные ругательства, которые я знаю.
– А ты сделаешь что-нибудь еще?
Правдивый пикси отчаянно попытался соврать:
– Дет. Я имею в виду, нда. То есть...
– То есть нет, правда?
– Нинининн-да!
Правдивый пикси был совершенно измотан своими безуспешными попытками соврать.
– Не мучай меня. Пожалуйста. Пожалуйста. Я не могу с этим ничего поделать. Я не всегда был таким... я никогда не пытался никого отравить. Раньше я всегда был хорошим, и никогда не добавлял губорез в свой суп, я просто радовался тому, что я хороший... хороший...

Сэмюэль не мог поверить своим ушам. Минуту назад пикси пытался убить его, а теперь он был близок к тому, чтобы расплакаться.

– Почему ты изменился? – спросил Сэмюэль. – Почему ты не можешь варить нормальный суп? Почему ты не можешь просто... быть хорошим?

– Это все моя тень, – ответил пикси. Он выглядел удивленным собственными словами, словно у него изо рта только что выбежали четыре маленьких мышки. – Я не... не понимаю. Когда у меня была тень, я любил нежные вещи. Я любил танцевать танец солнечных зайчиков и петь цветочные песни, но теперь пикси больше не делают таких вещей. Больше не делают. Теперь нам нравятся злые вещи... жестокие вещи. Взрывать головы. Головы троллей, главным образом. Эти тупые создания не заслуживают своего роста. Они думают исключительно желудками. Правда, когда они взрываются, это создает ужасный беспорядок. Их кровь и мозги пачкают стены.

Сэмюэль сглотнул, так как серые и пурпурные пятна на стенах дома обрели новое значение. Однако мысль о разбрызганных мозгах оказалась недостаточной для того, чтобы испортить ему аппетит.

Он взял со стола ломтики хлеба.

– Он отравленный?

– Нет.

Сэмюэль поделился хлебом с Ибсеном и не переставал жевать, пока от хлеба не осталось ни крошки. После чего Ибсен повалился на пол и заснул, а Сэмюэль решил вытянуть как можно больше информации у кровожадного маленького существа без тени.

Вопросы, которые Сэмюэль задал правдивому пикси, и ответы, которые он получил

Сэмюэль: Что произошло? Кто украл твою тень?

Правдивый пикси: Это была Ведьма теней. Она одна из двух Лесных ведьм. Я не понял, как это произошло. Она и прежде бывала здесь, и я готовил ей суп. Суп без губореза. Для нее и ее сестры, Снежной ведьмы. Они были очень милы со мной. А я был мил с ними. И я показал им мой танец солнечных зайчиков. Но потом однажды на траву возле моей хижины опустились два ворона. Один из них обернулся Ведьмой теней, а другой остался там, на траве. Ведьма теней постучалась ко мне в дверь, и я выпустил ее. У нее было очень постаревшее и опечаленное лицо, хотя с тех пор, как я в последний раз видел ее, прошло всего шесть месяцев.

Сэмюэль: И что случилось? Что она сделала?

Правдивый пикси: Она бормотала что-то себе под нос. Что-то меньшее, чем слова, но большее, чем тишина. После того как она закончила бормотать, она вышла, а я ее проводил, но потом, посмотрев на землю, я понял, что чего-то не хватает. Я посмотрел на траву и увидел, что у меня нет тени. Хотя это был солнечный день. На небе не было ни облачка. Вот, посмотри, даже сейчас, когда я стою у окна, я не отбрасываю вообще никакой тени.

Сэмюэль: Ты не привидение?

Правдивый пикси: Нет. Но иногда я... иногда мне кажется, что это так. Я так сильно изменился – все равно что умер. Все, что было хорошего, теперь исчезло... Ох, это ужасно. Я ужасный. Как бы я хотел увидеть, как взрывается твоя голова. Это звучит так жутко, не правда ли?

Сэмюэль: Немного. Да. Ты знаешь, где может находиться моя сестра?

Правдивый пикси: Нет. Нет. Я не знаю этого.

Сэмюэль: Я слышал крик. Недалеко от опушки леса. А потом я нашел яму. С дымом, который поднимался из нее. Я подумал, что она могла туда свалиться.

Правдивый пикси: Это хюльдры. У них есть ловушки по всей границе. Они служат Мастеру перемен. А он властвует над всем Тенистым лесом. Я никогда его не видел, но его имя леденит сердца всех лесных существ, особенно тех, у кого до сих пор остались тени. Они – Преступники. Если твою сестру поймали хюльдры, ее отошлют к Мастеру перемен, как и всех других узников.

Сэмюэль: И что тогда с ней случится?

Правдивый пикси: Я не знаю. Я знаю только, что те, кого посылают к Мастеру перемен, никогда не возвращаются обратно.

Сэмюэль: Надеюсь, что это неправда.

Правдивый пикси: И я.

Сэмюэль (*который не знал, что Мастер перемен был на самом деле профессором Тэнглвудом*): Но кто такой Мастер перемен?

Правдивый пикси: Я не знаю.

Сэмюэль: Он злой?

Правдивый пикси: Зло – это не то, чем ты являешься. Это то, что ты делаешь. Он делает зло. И я тоже.

Сэмюэль: Я должен найти сестру. Где мне лучше всего искать ее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.